Трон на крови

Автор:
Олег Касаткин

Трон на крови

Олег Касаткин

Мир императора Георгия #1

Он не собирался становиться императором и даже не задумывался о престоле.

Но история сделала внезапный поворот – и вот царь Александр III погиб, а наследник престола – цесаревич Николай Александрович жестоко искалечен – да и сам великий князь Георгий едва избежал смерти. И теперь ему на себе предстоит узнать – насколько тяжел царский венец – и как воистину неподъемно бремя власти. А еще – попытаться свернуть тысячелетнюю державу с гибельного пути.

Олег Касаткин

Мир императора Георгия. Том I. Трон на крови

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГОСУДАРЬ!»

(Мир императора Георгия)

Первая книга цикла романов в жанре альтернативной истории – если можно сказать «чистой» альтернативой истории – без т. н «попаданцев», хрональных сдвигов и т.п

Сюжет связан с личностью сына императора Александра III великого князя Георгия Александровича (в реальности умершего от скоротечной формы туберкулеза в 1899 году).

По стилистике представляет собой классический исторический роман в духе В.Балашова, В.С Пикуля, О.Елисеевой, и т. п, а идейно и композиционно – весьма популярный литературный цикл Е. Красницкого «Отрок» (изд-во «Армада-альфа»)

Всего планируется порядка 10 книг.

Нечто вроде вступления

1888 год. Излет респектабельной викторианской эпохи. Общество истово верит в технический прогресс, который непременно принесет всеобщее счастье и благополучие – также как почти сто лет до того оно верило в Свободу, Равенство и Братство.

Железные дороги и заводы возникают там, где прежде были лишь селения бродячих туземцев и дикие дебри. Океаны пересекают исполинские пароходы-левиафаны. Уже изобретены телефон, автомобиль, фонограф и даже предтеча компьютера – электрический вычислитель-табулятор. Правда, журналисты и ученые всерьез полагают, что едва ли не основной проблемой городов XX века станет уборка конского навоза – несложные подсчеты говорили, что уже к середине двадцатых годов следующего столетия Москва и Париж будут завалены им едва ли не на полметра. Научные светила вроде знаменитого математика – профессора Ньюкомба авторитетно заявляют о невозможности полета аппаратов тяжелее воздуха. Но в небесах уже парят первые дирижабли, наполняя оптимизмом сердца энтузиастов покорения воздушного океана. Будущего мирового гиганта – Америку – европейцы все еще воспринимают не всерьез – как живущего на отшибе деревенского кузена – сильного, но неотесанного и недалекого парня. (Хотя в Нью-Йорке и Бостоне уже встали башни небоскребов – иные – полная фантастика – в двадцать этажей!) Войн между цивилизованными нациями больше не будет – тем более что уже есть пулемет – какая может быть война при его наличии?

Медики проповедуют гигиену, опровергая еще недавнее собственное же мнение о вреде слишком частого мытья. При всем этом даже в столице цивилизованного мира – Лондоне, лишь треть домов имеет нормальную канализацию, а труд семи-восьмилетних детей считается почти нормой. А знаменитые лондонские туманы – лишь следствие чудовищного загрязнения воздуха и испарений Темзы куда без всякой очистки сливаются канализационные потоки восьмимиллионного города.

Так или иначе – мир на пороге грандиозных потрясений – хотя еще этого не знает…

Но, пока что он кажется сам себе на редкость прочным и незыблемым: что бы там ни толковали господа вроде Маркса и Лассаля, и сочинители вроде Жюля Верна и Робида.

И вот в это самое время одна российская семья возвращалась с летнего отдыха в Крыму по железной дороге…

Пролог

17 октября 1888 года, Харьковская губерния,

местность вблизи станции Борки.

– Георгий Александрович! Ах ты Христос-Вседержитель! Георгий Александрович! Ваше Высочество – с вами все хорошо? Вы живы?

Молодой человек в морской форме невидящими глазами смотрел на перемазанного грязью и угольной пылью камер-фурьера с разбитым лицом…

Казалось он не слышал обращенных к нему слов – может быть потому что очень громким был лязг железа оседающих покореженных обломков и стоны жертв…

Великий князь попытался прогнать звенящую пустоту из головы («Я кажется ранен… Да… Или просто контузия?»)

Огляделся, стараясь сфокусировать двоящееся в глазах изображение…

Всюду обломки, кровь, мертвые тела и покалеченные…

День был холодным и пасмурным, с мокрым снегом и пронизывающим ветром, как это нередко бывает поздней осенью даже в этих теплых краях. И в эти холодные серые небеса уходил дым от горящих вагонов.

Взгляд великого князя Георгия скользнул вдоль насыпи – наткнувшись на тело старого камер-лакея… Перед внутренним взором возник яркий мгновенный фотоснимок – этот седовласый придворный служитель наливающий сливки в чай отцу за миг до того как все случилось…

Немного дальше бледная от страха бонна – англичанка миссис Франклин держала маленькую девочку – сестру… великую княжну Ольгу, машинально закрывая ей рукой глазки… Еще левее – грудой вывалившиеся из разбитого вдребезги вагона персики, виноград, дыни – все раздавленные и смятые… Эти южные фрукты для царского стола везли из Ливадии… Следующий за ним вагон – тот в котором ехали низшие придворные и буфетная прислуга, был начисто уничтожен.

Причем обломки выглядели так, словно неведомая сила вознесла его в поднебесье швырнула вниз… Зловеще громоздились погнутые оси, обломки вагонов, исковерканные рельсы, расщепленные шпалы. Из этого нагромождения бесформенных обломков вырывались языки пламени, смешанные с клубами черного дыма. То тут то там виднелись лужи крови, оторванные конечности, обезображенные трупы.

Круто вздыбившийся полуразбитый спальный вагон свисал с насыпи…

Чемоданы, картонки, столики и предметы из дорогих сервизов высыпались под откос из раскуроченного тамбура. В грязи валялись предметы роскошного убранства – изящные подсвечники и канделябры, пепельницы, спичечницы… Блестел под осенним солнцем смятый чудовищным ударом умывальник из серебра вылетевший из вагона Императрицы… В глаза бросились валявшиеся в

пожухлой траве патентованные французские «увлажняющие аппараты для поддержания определенного уровня влажности» – последнее слово прогресса и комфорта…

Солдаты и железнодорожники складывали в ряд у подножья насыпи изуродованные трупы и еще живых…

Должно быть много людей погибло – но он вот остался цел и можно сказать невредим.

Он пережил неслыханную катастрофу… Пережил! – молодой человек перекрестился.

Как же ему самому удалось спастись? Георгий попытался вспомнить – что собственно случилось?

Обычный пасмурный осенний день за окнами и пронизывающий ветер. Но в вагоне – столовой уютно. Поезд, гремя колёсами на стыках и стрелках, катил в Санкт-Петербург, возвращая царскую семью осле крымского отдыха в столицу. Завтра к вечеру они будут дома… В час дня как было принято в Семье наступило время обеда… Родители и четверо их – старших детей приступили к трапезе в «столовом» вагоне.

Отец сидел во главе стола, слева от него помещалась maman и две ее фрейлины…

Помнится он с Михаилом и Николаем заняли свои места за столом с закусками, с ними сел Оболенский…

Дворецкий принес гурьевскую кашу к общему столу и стал за спиной отца ожидая указаний… Ванновский как раз что-то сказал Посьету…

Потом… поезд вдруг резко и очень сильно качнуло, потом еще раз. Они все потеряли равновесие и попадали на пол. Никто не успел понять, в чем дело, когда буквально через секунду вагон разорвало на куски, словно картонную коробку… В последнюю секунду он еще увидел отца, замершего за узким столом… Потом все рухнуло куда то вниз…

Потом… Нет – ничего не осталось в памяти. Георгий только помнит как очнулся на мокрой земле в стороне от искореженного поезда… Как он сумел выбраться? Или его отбросило от вагона силой взрыва?

Взрыва??! Ярость пополам со слезами залила Георгию глаза… Неужто заговорщикам удалось исполнить свою давнюю мечту? Неужто как и деда?

– Спасен ли Государь?! – выкрикнул он – но голос его звучал не громче шепота…

– Не могу знать! – хрипло ответил стоявший перед ним навытяжку гоф-фурьер. Матушка ваша, государыня Мария Федоровна жива и почти не пострадала…

«Почти?!»

– Мама, мама, я жива! – послышался детский крик. Обернувшись, Георгий увидел как вырвавшись от гувернантки великая княжна Ольга побежала навстречу высокой женщине в домашнем платье за которой лакей нес на руках девочку в синем костюмчике…

На миг Георгию показалось что сестра Ксения (а это была она) мертва, но великая княжна всхлипнув, вцепилась в отвороты ливреи…

На плечи царицы подоспевший казак накинул чье-то офицерское пальто…

Государыня кивнула с благодарностью в ответ…

А к ней уже спешил солдат ведя за руку плачущего Михаила – чей матросский костюмчик заливала кровь… Георгий ужаснулся – но почти сразу понял что это чужая кровь – от таких ран его брат умер бы на месте…

Да признаться и Мария Федоровна выглядела не лучшим образом. На ходу она придерживала висевшую левую руку, кисть которой приобрела жуткий сине-багровый оттенок.

Георгий увидел разводы наскоро вытертой крови на лице и руках – кровь все еще текла из нескольких глубоких порезов – наверное от осколков стекла…

Почему то самые первые слова сказанные матерью-императрицей не удержались в его памяти – он запомнил только собственное хаотическое мелькание мыслей… И среди них – раз живы мама и младшие брат и сестры – то наверняка ничего плохого не случилось с отцом и Ники!

– Сын мой, – донеслось до него… – Главное ты жив, и все мы остались живы! Это совершенно непостижимо! Это чудо, которое сотворил Наш Господь!

И вновь у Георгия не было сил ответить – хотя губы его шевельнулись что то произнеся…

Убедившись что дети живы и почти в порядке, Мария Федоровна, оставила их одних… Приказав позвать лейб-медика, который – сам помятый и в синяках – растерянно метался между десятками раненных и контуженных, царица взяла спасательные работы в свои руки.

Вместе с лейб-медиком и несколькими лакеями начала энергично действовать – не в пример стонущим и растерянным мужчинам. Мария Федоровна обходила раненых, помогала им, всячески стараясь облегчить их мучения…

Они переходили от одного пострадавшего к другому, помогая встать, утешая, ободряя, бинтуя раненных – в ход пошли простыни скатерти и дорогое белье из разбитых чемоданов и сундуков… Мария Федоровна без всякой жалости расправлялась с любимыми блузками, украшенными тонкой вышивкой придворных мастериц, батистовыми сорочками и нижними юбками, отделанными льежскими кружевами и бинтовала истекающих кровью людей.

Кто-то присоединился к Государыне – но многие просто находились в полной прострации и тупо смотрели на происходящее, оцепенев от всего случившегося. Георгий тоже никак не мог придти в себя, лишь отстраненно фиксируя окружающее…

На глаза попадались то ярко начищенный блестящий ярой медью самовар жалко валявшийся в луже… То флигель-адъютант Шереметев, баюкающий руку с забинтованным раздробленным указательным пальцем – с видом человека получившего без малого смертельную рану. То барон Шернваль сидевший на насыпи – кажется он не понимал что такое с ним произошло… То Ванновский – прижимавший мокрый платок к огромной шишке на лбу, но при этом

пытавшийся что-то бодро командовать офицерам…

Впереди вдруг возникла какая – то возня, крики – кто-то жалобно заплакал.

Хмурые солдаты провели крепко взяв под руки барона Таубе – как оказалось – потеряв голову от всего случившегося он бросился бежать в придорожную рощу; и охрана чуть его не убила, приняв за злоумышленника-бомбиста.

Тревожно лая среди раненных и убитых бегала собака – любимый пес Александра III – Камчатка. Она была явно не в себе – хозяина нигде не было и даже запах его не ощущался сквозь гарь и кровь…

Во всём поезде из пятнадцати вагонов, уцелело только пять – остальные были разбиты в хлам… При этом что удивительно – уцелели оба паровоза, и сейчас кочегары и машинисты вместе с очухавшимися солдатами вытаскивали из руин еще недавно бывших императорским поездом людей – чаще живых, иногда недвижных…

Вот мужчина в придворном мундире… Макушка черепа у него срублена – как верхушка сваренного «в мешочек» и поданного к завтраку яйца. Великий князь явственно различал серую массу в чаше раздробленного черепа. По лицу несчастного текли струйки крови, заливая белые от ужаса и боли глаза.

Немолодой бородатый камер-казак Тихон Сидоров из личной охраны Императрицы – сколько Георгий помнил – он всегда был рядом с августейшей семьей.

Теперь он смят и переломан как кукла попавшая под карету…

Вот молодые егеря отцовской свиты – они умерли сразу – даже наверное не успели ничего почувствовать…

Вот стражник и буфетчик – оба раздавлены – в руках буфетчика так и остался изящный мельхиоровый кофейник…

Георгий вспомнил случайно услышанный разговор этих двух слуг – за час примерно до крушения…

– Экий у нас государь богатырь! – восхищенно говорил охранник. Увидел – аж обмер!

– Дай Бог век ему отмерен дольше батюшки своего невинноубиенного – и деда – Николая Павловича – при таком хорошем царе когда еще поживешь! – поддакнул буфетчик.

…А вот теперь нет ни того ни другого в живых и что с отцом и братом – неизвестно. Георгий чувствовал что еще немного и он лишиться сознания, рухнет наземь и наверное умрет – ибо человеку невозможно выдержать такое…

И не один он был в подобном состоянии – то тут то там слышались сдавленные рыдания…

…Мария Федоровна, одна из немногих, не потеряла голову и старалась по мере сил облегчить страдания людей.

– Разведите костры! – скомандовала Императрица какому то из ливрейных лакеев.

– Осмелюсь спросить – из чего Ваше Величество?!

– Из всего что может гореть! – с прорезавшимся акцентом зло бросила Мария Федоровна.

Люди должны хоть немного согреться! Неизвестно когда еще придет помощь!

Повернувшись, Георгий увидел как придворный фотограф – Алексей Антонович Иваницкий расставляет свой разлапистый фотоаппарат. Он явно собирался запечатлеть небывалую катастрофу для истории.

– Господи – что за нелепость! – подумалось Георгию… Захотелось подойти, обругать неуместно деловитого служителя, повалить фотоаппарат в грязь… Но не было сил – ни на что… Так он и стоял и смотрел как железнодорожники и свитские с конвойцами пытались растащить обломки столового вагона. Это плохо получалось – вагон был большой тяжелый и основательный – построенный по специальному заказу во Франции…

Промозглый день сменился сумерками…

Со стороны Лозовой запыхтел подходящий состав – помощь наконец-то пришла…

Потом пришла ночь.

Зажгли фонари и факелы. Все были серьезны и сосредоточенны. И все чаще из под обломков выносили не раненых, а безжизненные, изломанные тела…

Георгий сидел на услужливо кем-то принесенном стуле, глядя на происходящее и беззвучно шептал молитву: пусть поскорее разберут эту груду металла и дерева и найдут отца… Батюшка и в самом деле здоров и крепок – он может быть раненным или оглушенным – но не мог же он вот так просто погибнуть! Но к сердцу подползал неумолимый холод предчувствия. Неужели сегодня он в последний раз видел отца?? Чувство отчаяния которого не передать словами поднималось в его душе…

– Нет! – безмолвно взмолился великий князь, хотя ему хотелось кричать. Этого не должно случиться! Милостивый Боже, не дай произойти самому страшному!

Но вот послышались громкие возгласы… А затем – тяжкий отчаянный женский крик сменившийся тихим плачем…

Мимо Георгия на растянутой вагонной портьере пронесли молодого человека без сознания, в окровавленном мундире кавалергарда…

«Брат! Ники! О Господи!»

– Осторожнее – Его Величество серьезно ранен…Ради всего святого – осторожнее! – покрикивал идущий сбоку лейб-медик.

«Его Величество??!» – мир вокруг поблек и расплылся… Значит… Неужели…»

– Георгий Александрович… Рядом с ним стояла миссис Франклин.

Лицо англичанки было заляпано грязью, в глазах читались усталость и боль.

– Вам следует пройти к … вашей матушке – она нуждается в вас… И добавила, явно пересилив себя

– Примите мои соболезнования…

Не отвечая Георгий пошатываясь двинулся в ту сторону откуда принесли Николая…

– Бедный мальчик, – подумала про себя миссис Франклин. – В один день – и отец, и похоже что и брат….

А великий князь шел механически переставляя ноги… Шел туда где в ряд были выложены трупы вытащенные из руин вагона и отдельно от них – тело высокого крепкого мужчины с неестественно вывернутой шеей. Подле него на земле сидела императрица Мария Федоровна – в полной прострации держа голову мужа на коленях.

Подбежала Камчатка, но не кинулась к телу хозяина, а обратив морду к темным небесам жалобно завыла.

Вахмистр лейб-конвоя с перевязанной ногой, утирая слезы, всхлипнул:

– Вот ведь… Скотина бессмысленная спаслась, а царь то… царь…

– Господи! Да как же это??! – шептал Георгий не в силах приблизится к телу Императора всероссийского Александра Александровича Романова… Своего отца…

Нет – этого не может быть!

Ведь еще совсем недавно будущее казалось ясным и благополучным на многие годы и десятилетия вперед…

Опустившись на колени прямо в осеннюю слякоть он молча крестится.

«Господи! Да как же это? Да за что ж мне такое?!» – еле слышно шептал Наследник-Цесаревич трясущимися губами. Из глаз юноши струились крупные

слезы…

* * *

В тот день Георгий Александрович Романов плакал последний раз в жизни. В тот день он еще был обычным человеком, сломанным чудовищным ударом судьбы – и мог еще позволить это себе. Все последующие десятилетия, никто не видел его слабым – и больше того – уже не было обычного человека – был Царь не знавший слова «невозможно». В тот день в той катастрофе погиб великий князь Георгий – тайный романтик и скорее ученый нежели властитель по складу ума. И родился повелитель, чьими усилиями, как признавали даже недруги, был создан новый мир. Мир совсем не такой, который предсказывали пророки разнообразных социальных теорий, и описывали фантасты…

* * *

Крушение

В поля, под сумеречным сводом,

сквозь опрокинувшийся дым

прошли вагоны полным ходом

за паровозом огневым:

Багажный – запертый, зловещий,

где сундуки на сундуках,

где обезумевшие вещи,

проснувшись, бухают впотьмах —

И множества вагонов спальных

фанерой выложенный ряд,

и окна в молниях зеркальных
чредою беглою горят.

Там штору кожаную спустит
дремота, рано подоспев,
и чутко в стукотне и хрусте
отыщет правильный напев.

Такая малость – винт некрепкий,
и вдруг под самой головой
чугун бегущий, обод цепкий
соскочит с рельсы роковой

И вот по всей ночной равнине
стучит, как сердце, телеграф,
и люди мчатся на дрезине,
во мраке факелы подняв.

Такая жалость: ночь росиста,
а тут – обломки, пламя, стон…
Недаром дочке машиниста
приснилась насыпь, страшный сон:

Там, завывая на изгибе,
стремилось сонмище колес,
и двое ангелов на гибель
громадный гнали паровоз.

И первый наблюдал за паром,

смеясь, переставлял рычаг,

сияя перистым пожаром,

в летучий вглядывался мрак.

Второй же, кочегар крылатый,

стальною чешуей блистал,

и уголь черною лопатой

он в жар без устали метал.

Владимир Набоков

Из поэтического сборника посвященного сорокалетней годовщине чудесного спасения Е.И.В Георгия I. Санкт-Петербург. 1928 год

Часть первая

Погребение прошлого

22 октября 1888 г., утро, Санкт-Петербург.

…Ваше Высочество – поезд прибывает!

Флигель – адъютант стоял в дверях купе наследника…

Синяки на лице были умело запудрены но обширную ссадину на лбу скрыть было невозможно. «Флигель» – как вспомнил Георгий – ротмистр лейб-гвардии Конной артиллерии Александр Кауфман, был в числе переживших катастрофу.

Коротким кивком головы ответив придворному, Георгий встал с мягкого дивана и вышел в коридор.

И машинально одернув черный флотский мундир с черным же траурным крепом на рукаве, двинулся по вагонам следом за ротмистром – в «голову» уже снижающего ход поезда в «особый» вагон.

Они и в самом деле совсем скоро прибывали на Московский вокзал столицы Российской империи. Отсюда не так уж давно Александр III с семьей отбыл в Тавриду – и вот теперь они возвращались…

Сейчас, стоя в тесном вагоне у отцовского гроба рядом с матерью, державшей за руку заплаканного Михаила, с непроницаемо – скорбным Владимиром Александровичем, с генерал-адьютантами и придворными, Георгий вспоминал…

Памятью он вернулся на несколько дней назад – хотя казалось прошел месяц или даже больше…

…Ранним утром 19 октября выжившие в катастрофе и мертвые прибыли в Харькове на свитском поезде.

Вечером того же страшного дня состоялся семейный совет под председательством прибывшего из Москвы Великого князя Владимира Александровича.

Он был сух и краток.

– По докладу врачей Император не может быть никуда перевезен без очень тщательной подготовки, у него сложный, возможно двойной, перелом позвоночника – начал он, – когда присутствующие помянули в молитве почившего Царя. – Вынужден говорить печальную правду: врачи отнюдь не дают гарантий, что он и в этом случае перенесет переезд. Но даже без этого можно, увы, с уверенностью говорить что Его Величество Николай Александрович… – великий князь сделал печальную паузу – Не сможет исполнять свои обязанности. По-видимому никогда – завершил он мысль.

Георгий мысленно согласился.

Да – брат его лежал пребывая фактически между жизнью и смертью – лучшие харьковские доктора хлопотали вокруг его ложа, милосердные сестры меняли

повязки, и оба главных лейб-медика непрерывно дежурили в больничном покое ставшем одновременно и императорскими покоями… Но изменить они уже ничего не могли.

– Поэтому согласно Основных Законов Империи Российской надлежит образовать Регентский Совет… – Владимир Александрович опять сделал короткую паузу словно ожидая возражений. Но разумеется никто не пожелал высказаться да и что можно было возразить на очевидную истину?

И он продолжил те же ровным отрешенным тоном.

– Возглавить его несомненно должно законному наследнику престола – Георгию Александровичу, – лицо великого князя оставалось печальным и непроницаемым. Предлагаю чтобы в него кроме него вошли Великие князья Павел Александрович, Алексей Александрович, Сергей Александрович и ваш покорный слуга – как старшие среди мужской части царствующего дома. Также надлежит несомненно ввести в него и вдовствующую императрицу которая к сожалению здесь не присутствует…

Георгий невольно кивнул в знак согласия: и опять – все правильно – и по форме и по содержанию.

Императрица Мария Федоровна всё это время находилась у тела мужа, стоя на коленях и обнимая его голову, и время от времени принималась горько, тихо плакать…

Когда по настоянию приближенных Георгий прошел к ней – попросить оставить прах супруга, и пойти отдохнуть (чего стоило ему войти в комнату где лежало тело отца!) то обнаружилось то несчастная женщина потеряла сознание…

Ее кое-как привели в чувство нюхательными солями и только тогда она позволила увести себя… Она не присутствовала и на отслуженной панихиде по государю императору Александру III.

– Полагаю было бы также правильным… – продолжил Владимир Александрович, – немедля установить почетное дежурство у тела…

«А ведь ты дядюшка был бы наверняка рад если бы сейчас там лежали все мы!» – вдруг с неожиданной злостью и обидой подумал Георгий глядя на постное лицо родственника напомнившее ему почему-то снулую рыбу.

Матушке известие о том что она – вошла в Регентский совет сообщили когда она выходила от Николая…

Она довольно равнодушно восприняла это – лишь что-то прошептав…

Георгий боялся что мать откажется уезжать – пожелав остаться у постели старшего сына. Кажется Мария Федоровна и в самом деле хотела этого. Но тем не менее она позволила усадить себя в императорский поезд ставший траурным…

По пути в Москву на перронах духовенство совершало бесконечные панихиды – на станциях и полустанках в Курске, Орле и Туле.

Потом была Москва…

…В Первопрестольную траурный поезд с телом императора Александра III прибыл два дня назад – 20 октября в два часа пополудни.

Можно было сказать что за этим последовала репетиция погребения.

На вокзале Митрополит Сергий совершил литию при пении певчих Чудова монастыря. Запели «Вечную память» – и все прибывшие – от слуги до великого князя опустились на колени. Затем гроб почившего царя был поставлен на траурную – белую с золотом колесницу. В соответствии с церемониалом печальное шествие тронулось в три часа – по третьему пушечному выстрелу.

От вокзала до Кремля вдоль улиц были выстроены войска московского гарнизона, ограждая человеческое море от процессии. Первым – почти у самого Киевского вокзала стояло в каре Александровское юнкерское училище. Когда еще в дороге обсуждали предстоящий церемониал, за спиной Георгий слышал шепоток – мол училище это слывет либеральным – чуть ли не «красным» (странное однако слово – откуда и к чему оно?) – и мол как бы чего не вышло…

Но Цесаревич не стал ничего менять – ибо училище это создал его отец и кому как не юнкерам-александровцам первыми встретить августейший прах?

Когда катафалк и сопровождавшие его члены Императорской фамилии – по церемониалу – мужчины пешком, с непокрытыми головами, дамы – в траурных каретах – проследовали мимо строя училища, его Первая рота – Рота Его Величества сделала четкий шаг вперед и без команды развернулась налево. И с оркестром вступив в состав процессии, двинулась за гробом. Оркестр во главе с седым горбоносым капельмейстером-кантонистом в узких погонах титулярного советника на пехотном мундире всю дорогу играл похоронный марш. Ровно в такт четкому шагу юнкеров колыхались погоны с именным императорским вензелем почившего – уже недолго им носить его…

Траурное шествие могло кого угодно ошеломить своей торжественностью… Но Георгий с напряженным вниманием смотрел на лица собравшегося на тротуарах московского люда. Смотрел и размышлял – с какими чувствами эти приказчики, поденщики, дворяне, мастеровые, семинаристы и купцы следят за похоронами?

С какими мыслями? Что переживают подданные покойного царя, стоявшие в эти часы молчаливыми толпами на улицах Первопрестольной? Его отец – дед Георгия – государь Александр Николаевич был и в самом деле оплакан миллионами и миллионами освобожденных им крепостных – впрочем, трое из которых вошли в число его убийц.

А кем был для этой неизмеримой людской массы называемой словом «народ» – Александр III процарствовавший чуть больше семи лет? Скорбят ли они искренне или просто потому что так должно?

В половине пятого пополудни колесница остановилась возле Архангельского собора, и Георгий с дядьями подняли гроб… Тело покойного императора поплыло над головами собравшихся.

Им навстречу вышла депутация духовенства во главе с Митрополитом Московским и высшим духовенством. Георгий Александрович и члены императорской фамилии внесли гроб в собор и поставили на катафалк. После панихиды началось чтение Евангелия священником, продолжавшееся без перерыва днем и ночью… Потом – вновь путь на вокзал и дорога – с открытыми семафорами и тихим – не выше пятидесяти верст – ходом… А вот теперь – и

Петербург. Мертвый царь вернулся в свою столицу – теперь уж навсегда…

Перрон Николаевского вокзала, шеренга семеновцев, и за ними вторая – в синих жандармских шинелях, встречающие сановники во главе Гресером и Лутковским и духовенство… А дальше – уже готовая встретить императора и проводить его в последний путь процессия – впереди которой – Министр императорского двора Воронцов – Дашков.

В особый вагон – наскоро переделанный из багажного вошел митрополит Палладий с певчими и служками… Началось лития… Палладий заменяя дьякона прочел: «Спаси, Боже, люди Твоя!», в то время как служки монотонно возглашали «Господи, помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!» Краткого молебствие преосвященный Палладий завершил пропев «Владыко многомилостиве» – и все опустились на колени на холодный пол вагона… Потом генерал-адъютанты сняли императорский покров с гроба, а Георгий вместе с членами августейшей семьи на своих плечах подняли гроб и вынесли его из вагона, водрузив на уже подогнанный катафалк. После этого траурный экипаж, под звуки старого гимна «Коль славен наш Господь в Сионе…» и дробь гвардейских барабанщиков, тронулся в путь. За везущей мертвого царя повозкой пешком следовали Георгий с великими князьями и кареты с вдовствующей императрицей и другими высочайшими особами. В Печальном шествии следовали Панир – Государственное знамя, Государственный скипетр, церемониальные щит и мечи государя… А между знаменами, инсигниями и гербами двигались два рыцаря.

Один из них – в золоченых доспехах, восседал на белом коне, опустив обнаженный меч, символизируя славу земную и небесную. Другой – в вороненых латах, в черном плаще, с черным плюмажем шел пешком, и воплощал траур, печаль и скорбь.

Герольды несли двенадцать гербов царств и городов, иностранные ордена покойного царя – всего пятьдесят семь и двенадцать русских орденов – среди которых самым первым – Орден святого Георгия второй степени, полученный тогда еще великим князем Александром Александровичем за последнюю турецкую войну. Церемониймейстеры несли короны: грузинскую, таврическую, сибирскую, польскую, астраханскую, казанскую…

Четверо камер-лакеев – императорскую порфиру подбитую белым атласом и отороченную горностаевой пелериной… Густобородый гоф-маршал Оболенский-

Нелединский – золотой императорский Скипетр увенчанный знаменитым бриллиантом «Орлов» над которым возвышался черный эмалированный двуглавый орел со святым Георгием на груди и орденской цепью Андрея Первозванного.

Шли депутации от земств, дворянских собраний, университетов… Сановники, министры, генералы, камергеры и камер-юнкеры… Шли под колокольный звон всех церквей Санкт-Петербурга и пушечную пальбу с Петропавловской крепости и кронверка… А следом двигалась процессия духовенства – в торжественных облачениях, с хоругвями, крестами и иконами.

На Невском вдовствующая императрица вдруг вышла из кареты и тоже пошла пешком – бледная, с опущенными глазами, и черное траурное платье и черный газовый платок еще более подчеркивали ее мертвенную бледность.

В два пополудни процессия, пойдя расстояние почти в восемь верст, прибыла наконец к Петропавловскому собору. И опять гроб императора был водружен на плечи его живых родственников и установлен на катафалке – темно алым с золотом. Над гробом распростерся погребальной покров в виде громадной шапки Мономаха из золотого глазета, подбитый горностаем, с большими золотыми кистями, вышитыми двуглавыми орлами и гербами русских земель. После окончания погребальных обрядов золотым крестом посередине, которым гроб покрывался сверху.

Из-под горностаевой оторочки к четырем столбам храма спускались белые глазетовые драпировки, перехваченные у столбов золочеными коронами.

Покров этот по окончании погребения будет перешит и укроет гробницу покойного царя…

…Гроб стоял на высоком, в несколько ступеней, катафалке. Мерцающий свет тысяч восковых свечей поблескивал на золоте придворных мундиров Почетного дежурства, чинов свиты и гвардейских часовых…

Сменяя друг друга становились у царственного гроба великие князья, княжны, иностранные принцы…

Имелось лишь одно отличие от закрепленного и освященного традицией церемониала – тут не было правящего императора. Парализованный, еле живой, теряющий сознание по нескольку раз на дню Е.И.В. Николай II находился все еще между жизнью и смертью.

Он остался в Харькове в губернаторском дворце – в охраняемых покоях…

И неизвестно когда можно будет перевезти его в Москву или Петербург – да и вообще – можно ли это будет когда-нибудь?

Перед мысленным взором Георгия возникли два анамнеза.

Один был составлен Груббе и Вельяминовым, второй – лейб-медиком Лейденом и спешно прибывшим из Москвы профессором Григорием Анатольевичем Захарьиным – самым толковым врачом из всех кто мог появиться у постели тяжело раненного императора немедленно.

Оба заключения совпадали почти дословно: вероятнее всего его старший брат так и останется парализованным на всю жизнь.

Что тут можно было сказать? Конечно есть и другие ученые светила, есть и надежда на чудо и помощь Божью… Но Захарьину – отказавшемуся в свое время принять звание лейб-медика ради того чтобы спокойно заниматься своими исследованиями Георгий был склонен верить больше чем любому европейскому доктору…

Прощаясь, этот пожилой человек с седой бородкой, державшийся без подобострастия с августейшим собеседником, вдруг печально заметил:

– Я… должен Вам сказать Георгий Александрович… Мне все равно что вы подумаете обо мне после этих слов, но… Прошу – поверьте старому медику не раз имевшему дело со смертью – и не раз сталкивавшемуся с чувствами родственников усопших. Часто бывает так, что оставшиеся в сём бренном мире начинают невольно чувствовать вину что живы. Глупейшее и нелепейшее чувство – если угодно богопротивное! – профессор даже повысил голос. Тем более – это действительно трагический случай. Если бы крыша вагона опустилась чуть выше – на полтора два вершка, ваш батюшка был бы жив!

Георгий не нашел что ответить – лишь молча пожал руку, благодаря врача, нашедшего слова искреннего утешения – там где утешение было найти так трудно!

Теперь он невольно вспоминал слова Захарьина: какое оказывается ничтожное расстояние отделяет жизнь от смерти…

Потрескивали свечи, курился ладан сладковатым тяжелым дымком, возносился к куполу громогласный протодиаконский бас возглашая «Ныне отпущаешся…»… Торжественная тишина, полумрак Петропавловского собора, строгая архитектура и торжественность убранства должны были как будто располагать к раздумьям о жизни и смерти, силе судьбы, о преходящем и вечном. Но Георгий отрешенно разглядывал окружающее и думал о земном…

Места царских захоронений в Петропавловском соборе окружали иконы, лампады, витрины с драгоценными дарами – кубками, мечами, коронами, светильниками, церковной утварью. И больше их было у дедовской гробницы. Были там и совсем простые образки потемневшего серебра и солидные – в золотых окладах на которых каждый венчик состоял из десятков, а то и сотен бриллиантов, сапфиров, рубинов…

Вот небольшой – чернью по золоту и украшенный уральскими изумрудами образ «Богоматерь скорбящая» – дар екатеринбургских гранильщиков с демидовских заводов. Вот слегка аляповатый серебряный венок присланный полтавскими крестьянами в знак признательности и к двадцатипятилетнему юбилею освобождения от крепостной зависимости.

И равны были среди даров скромная иконка от бедной обер-офицерской вдовы, к чьему прошению когда-то снизошел царь российский, и массивный золотой крест – дар купца-мильонщика из бывших дворовых…

Вокруг гробниц стояли экзотические растения в горшках и кадках, на надгробиях лежали венки из ярких осенних цветов и просто брошенные розы.

Цесаревичу почему-то вспомнилась невеселая и в чем-то даже анекдотическая история – как после кровавого марта 1881 года в течение нескольких месяцев к гробнице Александра Николаевича из знаменитого цветочного магазина француза Ремпена каждый день доставляли роскошный венок из живых цветов –

по заказу княгини Юрьевской. (Хотя вся та история вроде осталось в прошлом, но Георгий даже в мыслях не мог называть эту женщину вдовой деда.) И – вот нелепая и дикая мода – пришедшие поклониться праху царя-освободителя стремились сорвать и унести с собой цветок или листок из венков у его могилы.

Длилось это довольно долго, пока торговец, умаявшись ждать денег за дорогостоящий заказ, не потребовал у княгини расплатиться. Оплатить, однако, предъявленный счет ни много ни мало – на три тысячи шестьсот восемьдесят рублей ассигнациями госпожа Юрьевская самым решительным и недвусмысленным образом отказалась… И в итоге находчивый парижанин переслал его прямиком в Министерство двора. Счет, скрепя сердце, оплатили, но по решению коменданта Петропавловской крепости из оранжерей Елагина дворца начали доставлять особо по одному венку ежедневно… Однако и после этого почитатели покойного монарха иногда норовили переложить на надгробие Александра II венки с других захоронений.

…Оставив гроб с телом императора в Петропавловском соборе, царская семья отправилась в Аничков дворец…

Предстояло еще много сделать для подготовке погребения и кстати – принять едущих в Петербург заграничные родственников…

Лишь в двенадцатом часу Георгий наконец отправился в свои покои жестом отпустив лакея и камердинера.

Но сон не шел… Мрачные мысли не оставляли сидевшего на неразобранной постели Цесаревича…

Он один в этой дворцовой спальне… Один – в мире… Еще несколько дней назад у него был добрый хотя и строгий отец – а сам он был свободным человеком – насколько можно быть свободным в России принадлежа к Династии.

Теперь… какую бы ношу не возложил на него Всеблагой Господь – он должен нести эту ношу – один-одинешенек! И ведь он даже не вправе молить небеса о том чтобы его бремя облегчили – горние силы уже и так оказали ему неслыханную милость – сохранили ему жизнь взамен взяв отцовскую и как теперь уже очевидно – и жизнь старшего брата…

Боже мой! Боже мой! И что ему делать со всем этим?? Он ведь никогда в самых захватывающих фантазиях и самых тайных мечтах не видел себя на троне! Да и как можно было даже думать о подобном, если жив и проживет еще долго отец? Если жив и здравствует законный наследник-цесаревич – брат Николай??

И вот теперь все так переменилось…

Георгий знал историю своей семьи – и не только ту что преподавали в гимназиях и народных училищах.

Знал – как на самом деле умерли его прапрапрадед и прапрадед.

И знал что сказал законный наследник – Константин Павлович – уже оглашенный императором и дважды отрекавшийся:

«Мне не нужен трон, залитый кровью отца!»

Но что толку жалеть и оплакивать несбывшееся если все уже свершилось и все будет так как суждено?

Только и остается что вспоминать уроки закона Божьего – «Господь не возлагает на рабов своих бремена неудобоносимые».

Но если бы Георгий сейчас увидел себя со стороны, то удивился бы – как словно бы под тем самым неудобоносимым бременем согнулись его плечи…

Он молча подошел к письменному столу и открыл верхний ящик.

Там лежал простой серебряный портсигар без монограмм и украшений – смятый и раздавленный как будто ударом молотка…

Его вытащили из кармана отцовских бриджей когда обмывали тело…

Долго смотрел на этот кусок сплющенного металла – символ бренности бытия. Символ того, что смерть в любой день и час может оказаться совсем рядом – ближе тех самых ставших роковыми двух вершков.

Потом шумно вздохнул и резко задвинул хлопнувший ящик.

Ну что ж – Господь явил свою волю! Да будет по слову Его!

Слову!?

И тут вспомнилось…

Январская ночь, сон и голос из-за занавеси звезд.

Слова, падавшие в абсолютной тишине: В этом году уйдет твой отец.

Георгий встал на колени перед иконой Богородицы.

«Господь явил свою волю и я буду достоин Его выбора»

* * *

25 октября на заседании Регентского Совета было принято решение о проведении независимого следствия по факту крушения императорского поезда. Возглавить его по предложению, причем единодушному, Марии Федоровны и Владимира Александровича было поручено Анатолию Федоровичу Кони – как наиболее принципиальному и честному человеку в юридических кругах и как одному из самых компетентных судейских чинов Российской империи.

Он получил чрезвычайные полномочия с правом доклада результатов следствия лично Регенту. Государственная машина на удивление заработала быстро и четко. Министерство путей сообщения в считанные часы предоставило все запрошенные документы, без промедления явились прикомандированные к расследованию высшие чины жандармерии, полиции, инженеры и эксперты. 29 октября поезд со следственной комиссией прибыл на место катастрофы…

* * *

В трауре и потрясении прошел остаток года.

Года 1888 по григорианскому календарю. От основания Рима – 2641-го. Для старообрядцев – 7396 от сотворения мира. Для иудеев – 5649 – тоже от сотворения мира. Для мусульман – 1307 года Хиджры. Согласно армянского календарю – 1337-й По китайскому календарю 4585-й. Согласно эфиопскому – 1881 год.

Индусы полагали что уходящий год – 1945 год Викрам самват, 1811 год – Шака самват, и наконец – 4990 год Кали-юги. По календарю парсов – 1267 год.

А еще это был последний год старой истории человечества и первый год новой. Поезд цивилизации рыскнул на стрелках и перешел на новый путь. Но об этом пока не знал никто…

* * *

8 февраля 1889 года, Санкт-Петербург, Зимний дворец

Е.И.В. В.К. Георгию Александровичу, Регенту Российской империи

Докладная записка

Ваше Императорское высочество!

Покорнейше докладываю, что документы по известному Вам делу отправлены курьером 5-го числа сего месяца. Все результаты работы Особой следственной комиссии, будут представлены на рассмотрение Регентскому совету, как вы и распорядились.

Я осмелюсь просить, чтобы Вы ознакомились с ними лично и заблаговременно.

Преданный Вам

Обер-прокурор уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. Кони А.Ф.

* * *

…На громадном палисандровом столе с яшмовыми вставками красовалась малахитовая чернильница украшенная серебряной миниатюрой – Персей спасающий Андромеду от морского чудища. Возле нее торчал стакан карельской березы с отличными английскими карандашами, и нож для бумаги резной мамонтовой кости… В задумчивости Георгий не заметил как сломал третий «Кох-и-Нур» и чертыхнулся…

В угловом кабинете выходившем на заснеженную Дворцовую площадь великий князь сидел за заваленным бумагами произведение екатерининских краснодеревщиков и изучал документы следственной комиссии. Послезавтра их обсудят на Регентском совете – но сперва он хотел сам составить впечатление о результатах расследования. И вот уже третий день перечитывал эти несколько не слишком толстых томов…

В общем все было понятно – тем более за прошедшие два месяца он уже наловчился продираться сквозь казенные формулировки и выделять главное – хотя вначале после чтения государственных бумаг адски болела голова – доктора даже заговорили о последствиях контузии и потребовали не перенапрягаться…

И как же императоры со всем этим управлялись? Поневоле вспоминается читанный им украдкой в прошлом году «русофоб» (как выражался Тютчев) де Кюстин – «Ненормально что у столь обширной империи миллионы рук и всего одна голова». Воистину как говорили древние: «Interdum stultus opportuna loquitur» – «Подчас и дурак умное скажет».

Георгий поднял глаза от листа исписанного четким писарским почерком: видать письмоводитель еще старой школы – когда каллиграфию розгой вбивали…

Кабинет ранее принадлежавший дворцовому управляющему был обширен, но мебелью не обременен. Два высоких секретера, приличных большой письменный

стол, за которым устроился регент, несколько кресел и солидный диван с высокой спинкой. Мебель была старинная, красного дерева, обита зелёным тиснёным турецким сафьяном с мелкими золочёными гвоздиками. В углу стоял старинный огромный глобус – с белыми пятнами на месте многих земель и морей… Занять отцовский кабинет было бы и не по чину – да и свыше его сил…

Он вновь вернулся к документам.

Да – сколько он этих бумаг прочел за прошедшие два месяца – из министерств, из военного ведомства, из МИДа… Иногда смысл был совсем непонятен – но всё чаще за казенными формулировками ему чудилась пустота – и все чаще посещали мысли – что такая же пустота как за фасадами театральных декораций и за – внешними несокрушимыми стенами министерств дворцов и крепостей…

Пустота насыщенная пустыми амбициями, патокой славословия и лести. Отец им верил – мелькнула горькая мысль…

Он стал проверят выборочно – но толку было мало – ибо самое пустяшное дело оказывалось сцеплено множеством шестеренок с целым сонмом прочих.

В конце концов произошел уже ближе к Рождеству произошел памятный разговор с Николаем Николаевичем.

– Тот мягко почти отечески укоряя советовал не перенапрягаться и поменьше возится с государственными делами.

– Вам Георгий Александрович не следует пытаться объять необъятное! – пояснял почтенный генерал от кавалерии с видом гимназического учителя втолковывающего недорослю прописные истины. Тем более в делах текущих – там и чиновники – гении департаментские, геморрой выслужившие и то блуждают, – с улыбкой развел родственник руками. Со временем знание и мудрость придут, а пока… Даже и я начинал с эскадрона…

«Не лезь не в свои дела – мальчишка!» – вдруг в этот момент почти наяву услышал Георгий злобный фельдфебельский рык – и даже недоуменно поглядел на двоюродного деда.

Но тот как раз уже закончил речь очередным верноподданическим высказыванием. От этих высказываний и словесных кружев скоро начнет скулы сводить как от клюквы!

Бо-оом! Б-оом! – пять раз пробили часы в соседней комнате. Дверь кабинета отворилась, и на пороге возник человек в ливрее и с подносом – кофишенк Марков – Второй. Запахло свежим «мокко».

– Георгий Александрович – как вы просили…

Прихлебывая крепкий горячий напиток к которому прилагались ванильные сухарики, Георгий не переставал размышлять.

Почти все время великий князь проводил в Петербурге в Зимнем – лишь на рождественские дни посетил Царское Село.

…Как и в прежние годы, накануне Рождества в сочельник после всенощной у императрицы была устроена елка – и вся свита была приглашена на этот семейный праздник. Елки установили в покоях императрицы и ближайших залах – Концертном и Ротонде.

При этом у каждого из членов семьи имелась своя елка, рядом с которой стоял стол для приготовленных подарков.

Семья не забыла одарить подарками и свиту и детей нижних чинов конвоя, а также Сводно-гвардейского батальона и дворцовой полиции. Были розданы рождественские подарки всем слугам, лакеям, мелкой придворной челяди…

После раздачи взаимных «семейных» подарков приближенные и родня перешли в другой зал Зимнего дворца, где был приготовлен большой длинный стол, украшенный фарфоровыми вещами, изготовленными на императорской Александровской мануфактуре – и каждый смог выбрать то на чем лежала карточка с его именем…

– Небеса были ко мне благословенны – оставив мне четверых здоровых детей… – сказала Мария Федоровна после рождественской службы и всплакнула. И в само деле – Оленька как сообщила maman уже не кричит по ночам и Михаил даже

засмеялся представлению дворцовой труппы в сочельник. Великая княжна Ксения правда болеет – так и оправившись до конца от ушибов и потрясений – врачи опасаются за ее здоровье в будущем.

Но глядя на все это торжество Георгий вспоминал прошлые праздники… Например Рождество с 1881 на 1882 годы – первого года оказавшегося столь недолгим отцовского царствования.

Тогда матушка подарила августейшему супругу американский револьвер «смит-вессон» тридцать восьмого калибра с кобурой – и к нему сотню патронов. А детям – Николаю и ему, – по хорошему английскому ножу. «По ножу на брата» – как пошутил тогда отец… А на прошлое Рождество маленькая Ольга подарила отцу домашние красные туфли, которые своими руками вышила белыми крестиками… Георгий ощутил как подступает к горлу комок…

…Праздники где светлое ощущение было перемешано с печалью миновали – и наступила жизнь – с ее проблемами и неурядицами.

Вопросы надо сказать приходилось решать необычные… Например – как быть с тем что в России сейчас действовал не один царский двор, а три? Ну конечно один, но существующий в трех разных местах и судя по всему и временах.

…Случалось царям русским помирать без наследников и без завещания – случалось и теряли корону… Но вот насчет случаев когда законный монарх тяжко болен и не способен править – вот тут praecedens отсутствовал.

Так что приходилось le improvisations – как говорят французы.

По предложению вездесущего Владимира Александровича был принят рескрипт – о временном Малом Дворе на месте пребывания Е.И.В Николая II. Местом этим стал дом харьковского губернатора – переехавшего со всеми чиновниками в местную казенную палату…

Лейб-конвой и летучий отряд дворцовой полиции внутри и лейб-гвардии батальон Измайловского полка ограждавший его штыками – снаружи… Матушка ездила туда уже несколько раз – навещать любимого старшего сына – даже особый Императорский поезд был собран – из четырех вагонов. (Сам Георгий даже в Царское по Павловской дороге не ездил кроме как на те рождественские

дни… Да и что там делать – охотится на зайцев или ворон стрелять? Уж как-нибудь в Петербурге проживем.)

С ней в Царском селе остались Ольга, Михаил и Ксения, штат дам, воспитателей, выжившие лейб-конвойцы…

Таков двор Вдовствующей Императрицы Марии…

У него – великого князя и Регента – двора пока как такового как будто нет – но есть слуги и приближенные оставшиеся со времен до катастрофы, есть люди из окружения отца и отцовские придворные – оставшиеся почти не у дел. Появляются и соратники деда. Лорис – Меликов визит нанес – осведомился может ли быть полезен.

Намедни Абаза пришел. Зачем приходил? Ощущение было как от собаки, что обнюхивает незнакомого человека. Не иначе на службу напрашивался.

И наконец Малый Двор – самый маленький хотя по штату главный.

Туда переехали лейб-медики с семьями – а Захарьин регулярно их консультировал. Лейб – конвой – правда не столь большой… Пять придворных дам – из свиты Марии Федоровны – руководят сиделками и милосердными сестрами.

Грустный двор – церемониймейстеры без церемоний, шталмейстер почти без штата и с конюшней в десяток лошадей, два егермейстера – разве только в насмешку… Мундшенки с разными прочими обершенками и тафельдекерами – там где нет и не предвидится банкетов и торжественных обедов. (Зато по совету Захарьина выписали из кисловодской лечебницы тамошнего повара – некоего Мирона Глотова – знатока диэтических блюд).

Что интересно – памятный ротмистр Кауфман которого Георгий думал сделать своим личным адъютантом спросил – как посмотри регент если он попросит перевести его именно в Харьков? Да и не один он – желающие сменить чухонские зимы и слякоть на южнорусский климат были и немало…

Георгий иногда думал – что заставило их избрать столь неверный путь?

Сочувствие к несчастному юноше-царю – над судьбой которого лили слезы все провинциальные барышни (уж как дворцовому ведомству пришлось отбиваться от желающих стать сестрой милосердия при брате!)? Искренним чувством долга перед Царствующим Домом? Или – ведь как знать – и тонкий расчет? Ибо непонятно как обернется…

Прошел ведь уже слушок – смутный и главное – как бы неоткуда – что во избежание – надлежит установить над императором опеку – оставив его однако официально на троне навсегда – ибо низложение царствующей особы – пусть на каких угодно благих и законных обоснованиях де поколеблет принцип самодержавия…

А он и без того серьезно пошатнулся – и не только к примеру среди старообрядцев (да – вот еще докука!) или сектантов – но и среди крестьян и мастеровых тоже не вся благополучно. – и болтают по трактирам да избам что дескать – чем то цари Бога прогневили. Да и в свете идут разговоры что по всему видать династия стала чем то неугодна Небесам – оттого и все беды – включая и Первое марта и трагическую гибель отца и в завершение – императора – калеку…

Вот на это и упирали слухи – даже предлагая рецепт лечения сей болезни – опека – для чего наряду с Регентским учредить и Опекунский совет.

Георгий разумеется догадывался откуда ветер дует – правда непонятно – сходит ли это от дяди Владимира или Николая Николаевича?

Да-с – воистину – было бы имение, а опекуны найдутся! Вот и на Россию нашлись опекуны – право же как имение промотавшегося дворянчика в старину отдавали в Опекунский совет… Maman узнала, плакала, а потом завернула что-то по-датски… (Надо полагать нелестное для изобретателей плана)

Быть может кое кто исходит из этого и рассчитывает что Малый Двор станет большим – а что царь на троне и сидеть не может – так хлопот меньше… Он вспомнил открытое честное лицо подполковника с еще свежим шрамом на лбу…

Неужто и он просто хочет выгадать себе необременительную и выгодную службу?

Георгию на миг стало стыдно за себя.

О – это уже привычное недоверие к людям! Еще одно проклятие властителя!

Вздохнув он вернулся к бумагам…

Особо лежали донесения и заявления где говорилось о возможности покушения…

И в самом деле многие так думали особенно вначале. И то сказать – за этот век – уже идущий к закату – только за этот! – какой скажите на милость самодержец всероссийский умер своей смертью – так чтобы не при подозрительных обстоятельствах – это не считая тех кто пал от руки убийц?

В обществе – и даже в печати ходили самые причудливые слухи. И про бомбистов, и про мальчика – сына кондуктора, принесшего в царский вагон «адскую машинку» под видом коробки с мороженным. И про некоего помощника императорского повара, который заложил динамит в вагон-столовую, и сошёл с поезда на остановке перед взрывом. В общем то понятно – «народовольцы»-то были совсем недавно. Потом разговоры как-то приутихли хотя «голубые шинели» еще что-то искали в этом направлении.

Сперва Георгий думал – жандармы роют землю носом ибо так натасканы – а уж старую собаку новым трюкам не выучить. Уж натура у них такая искательная – что поделать (великий князь не разделял того презрения к жандармам каким щеголяли армия и Гвардия – но всему ж есть свой резон!)

А потом понял смысл этих поисков – и лишь горько усмехнулся. Ведь если вдруг окажется что случившееся несчастье – дело рук злоумышленников – то не виноват получается никто – разве что начальник охраны царской – генерал Черевин…

Однако очень быстро все эксперты – пришли к решительному заключению, что никаких следов взрыва нет. И железнодорожники, и саперы и даже флотские минеры – Георгий решил перепроверить все лишний раз и попросил морского министра адмирала Чихачева их прислать – говорили одно и то же – обычная авария.

Но попутно всплыла масса просто убийственных обстоятельств. Воистину – никакому Салтыкову-Щедрину – нашему дорогому «Вице-Робеспьеру» не описать!

…Вообще все, что имело отношение к особе государя, окружалось необыкновенным пиететом. И разумеется царский поезд также имел статус «экстренного поезда чрезвычайной важности». Что это означало? Состав вагонов поезда определялся министром путей сообщения по согласованию с министром двора и начальником охраны.

На практике выходило так что министр двора подавал предложения по составу эшелона – при этом он руководствовался своими соображениями, учитывал, к примеру, численность свиты и ранг сопровождающих лиц свиты. А министр путей сообщения их утверждал – обычно не читая. Свита была многочисленная, все важные персоны, все хотели ехать с удобством, и считали себя вправе требовать отдельные купе, а то и вагон. Вроде все правильно – не ездить же разным действительным статским советникам и кавалерственным дамам по четверо в купе – как приказчикам каким? Но в результате царский поезд становился все длиннее и длиннее. Сразу за паровозами располагался багажный вагон, в котором еще находилась небольшая электростанция для освещения состава, потом вагон-мастерская, за которым следовал личный вагон министра путей сообщения. Далее – два кухонных вагона и вагон для поваров и кухонных слуг, вагон-столовая, великокняжеский вагон, потом вагон императорской четы, наследника престола и наконец – пять вагонов царской свиты.

В итоге в последнем рейсе эшелон состоял из четырнадцати восьмиколесных и одного шестиколесного вагона, хотя правила о поездах высочайших особ – были и такие оказывается… В России законы и инструкции есть на все случаи жизни – да только не исполняют их. Так вот – они ограничивали размер состава четырнадцатью стандартными шестиколесными вагонами. Иначе говоря, предельным считался состав, имевший сорок две вагонных оси, – в то время как царский поезд насчитывал их в полтора раза больше – шестьдесят четыре ровным счетом.

Весил он примерно тридцать тысяч пудов – как сообщали услужливые справки инженеров-железнодорожников подклеенные к листам дела… Четыреста с лишним аршин – более чем вдвое превосходил длину и тяжесть обычного пассажирского поезда… Конечно товарные поезда бывают и большего веса – но только вот товарняк никто не погонит быстрее чем двадцать верст в час – а

царский имел крейсерскую скорость как говорят во флоте – без малого сорок верст… На деле перед крушением он шел со скоростью под семьдесят. Начальство из первого железнодорожного полка когда выяснилось что такую махину один паровоз тащить не мог, распорядилось не долго думая прицепить два. Опять таки – это вполне разрешалось – для тихоходных грузовых поездов. Но не для пассажирских!. Но царский поезд это не пассажирский – это поезд особого назначения… А между тем два паровоза – это, во-первых, два машиниста, у которых не было связи ни между собой, ни с поездом. Царский поезд был оборудован этой новомодной штукой изобретения мистера Белла – «телефоном». Но американская придумка работала скверно – из за переделки ли, а может просто закупили некачественные аппараты – дело новое и непроверенное как ни крути…Но паровозам же он вообще не был подведен.

Чтобы что-то сообщить машинисту, надо было перелезть через тендер, и подать сигнал размахивая руками.

Но что хуже – два паровоза при скорости свыше сорока верст в час не могли работать согласованно – пыхтящие вразнобой цилиндры создавали опасную дополнительную боковую качку, особенно если у них не совпадал диаметр колес. С царским поездом так и было – один паровоз был товарный «Зигля Т-164», а второй – пассажирский – «Струве П-41». По мнению экспертов, крушение произошло как раз потому, что раскачавшийся паровоз порвал пути и сошел с рельсов.

Надо сказать, что в таком виде императорский поезд ездил лет десять. Имевшие к нему отношение железнодорожники, да и сам министр путей сообщения, знали, что это технически недопустимо и опасно, но не считали возможным вмешиваться в важные расклады придворного ведомства. Министр двора, естественно, не вникал в технические обстоятельства, а начальник царской охраны генерал Черевин – тем более, его дело было караулы выставить. Имелись впрочем два лица, официально отвечавших за техническую безопасность царской езды, – главный инспектор железных дорог барон Шернваль и его помощник, технический инспектор движения императорских поездов барон Таубе, но их должностная инструкция была составлена так бестолково, что ни тот, ни другой не знали, за что, собственно, отвечают.

Венчал эту пирамиду бестолковой неразберихи министр путей сообщения – адмирал Константин Николаевич Посьет. Почтенный старец с немалыми заслугами, соратник знаменитого Путятина, освоитель Дальнего Востока, доктор

экономических наук, почётный член Санкт-Петербургской академии наук, основатель Императорского Российского общества спасания на водах, и прочая…

Вроде бы человек солидный, государственный муж – но только вот в России основные пути сообщения – сухопутные. А Его высокопревосходительство полный адмирал не только ничего не смыслил в железных дорогах, но и не скрывал этого и даже бравировал этим отчасти – мол мелкие подробности его не касаются – на то коллежские советники и департаментские секретари есть.

Многие не понимали – почему именно его в далеком уже 1874 году Александр II назначил министром?

А! Вот и протокол допроса министра…

Вопросы задавал лично Анатолий Федорович Кони…

Ваше высокопревосходительство – почему вы не вмешивались и не обращали внимания Государя на неправильный состав поезда?

Посьет:

– Отчего же очень даже обращал, еще государю Александру Николаевичу указывал на неустройства в деле организации поездок августейших особ по «чугунке».

Кони:

– Не могли бы вы, Константин Николаевич более подробно остановится на этом обстоятельстве?

Посьет:

– Лет примерно десять тому назад, я имел честь еще вместе с покойным государем – то есть с его Величеством Александром II присутствовать при встрече на Николаевском вокзале поезда германского императора. Поезд пришел ровно минута в минуту, и сразу же остановился. Государь тогда сказал

мне – вот, брат Посьет – погляди как это у них делается! А мы подползаем к станции прямо как черепаха!

Кони:

– И что же ответили вы?

Посьет:

– Я указал монарху, что в поезде кайзера Вильгельма всего четыре вагона, а наши бывают и по десятку и больше…

Кони:

– Ну, и что же дальше?

Посьет:

– Ничего. Его величество император Вильгельм вышел из вагона, а Александр Николаевич со свитой двинулись навстречу. И я с ними…Увы – Его Величество так и не понял, что ваш покорный слуга деликатным образом пытался обратить его августейшее внимание на то что царский поезд слишком велик.

Кони:

– И вы больше не пытались вернуться к данной теме?

Посьет:

– Нет – моя вина…

Всплывали и второстепенные подробности – ответственные за поезд царя лица заботились об удобстве и спокойствии государя и свиты – а скучными правилами и инструкциями пренебрегали. Что с того что положено было, например, самые тяжелые вагоны подцеплять в начало состава, сразу за паровозом? Помилуйте – как можно?? Там же дым, гарь, шум – и тяжелые царские вагоны ставили в

середину. У всех пассажирских поездов полагалось после смены паровоза проверять тормоза: отъезжая от станции, поезд разгоняли и подтормаживали. Но венценосное семейство не осмеливались подвергать лишним толчкам и тряске, поэтому тормоза не проверяли.

Но нельзя сказать что вопросами безопасности совсем уж манкировали – по крайней мере на бумаге…

Состав был оснащен и новейшим автоматическим тормозом системы Джорджа Вестингауза, и обычными ручными тормозами. У ручных тормозов в каждом вагоне должен был неотлучно дежурить кондуктор, чтобы успеть рвануть рукоятку по свистку машиниста. Но оба царских – самых тяжелых – вагона ручного тормоза как оказалось вообще не имели. Почему? Может быть чтобы не беспокоить пассажиров тряской? Ну а кроме того начальник поезда велел кондукторам не торчать зря без дела у рычагов тормоза, а помогать прислуге.

Что же касается автоматического тормоза…

Как выяснилось – после смены паровоза на станции Тарановка его манометр не показал нужного для давления, а кран тормоза на тендере засорился и отказал. Любой другой поезд был бы снят с рейса – но это же Царь! В итоге отправились без тормозов: не задерживать же из-за таких пустяков российского самодержца! И машинисты в тот день ехали, не давая свистков на уклонах, когда следовало бы подтормаживать. Впрочем, как заключили инженеры, в причинах крушения отсутствие тормозов никакой роли уже не играло.

И вот последний день – протокол расписал его буквально по минутам… Утром того дня в Тарановку царский поезд пришел с полуторачасовым отставанием от расписания. Уже на предыдущем перегоне машинисты, пытаясь наверстать, гнали вовсю, доводя скорость почти до семидесяти верст в час. Во время остановки в Тарановке генерал Черевин, прогуливаясь по перрону вместе с Посьетом, посетовал на опоздание. У Черевина как он пояснил были свои основания для беспокойства: в Харькове все жандармские меры по обеспечению безопасности императорской семьи были рассчитаны и подогнаны точно под расписание движения царского поезда (не могут же филеры часами топтаться на улицах!).

Вновь протоколы допросов и собственноручные показания…

Кони:

Вы уверяете, что не имели представления о том, какую опасность представляет ускорение поезда?

Черевин:

– Так точно, господин обер-прокурор. Если бы хоть кто-то сказал мне об этом, я бы первый попросил – нет – потребовал бы ехать со всей возможной осмотрительностью!

Кони:

– Вы пытались говорить об этом с его высокопревосходительством Посьетом?

Черевин:

– Не смог бы даже если б захотел – господин Посьет делами поезда не занимался.

Кони:

– А чем же он в таком случае занимался?

Черевин:

– Наверное… (долгая пауза) Наверное, считал галок на крыше…

Кони:

– А что же технический инспектор барон Таубе?

Черевин:

– Александр Михайлович на моих глазах поблагодарил паровозную бригаду за скорую езду и обещал вознаградить деньгами.

Кони:

Кто-то может это подтвердить?

– Черевин:

– При этом разговоре присутствовали управляющий Курско-Харьковско-Азовской железной дорогой господин Кованько и инспектор дороги титулярный советник Кронеберг…

Кони:

– Как вы полагаете – они-то должны были знать, что пути на следующем перегоне не в порядке?

Черевин:

– Не знаю. Наверное. Но они промолчали.

Что куда хуже в составе номер один Российской империи находился вагон с неисправной ходовой частью. Причем располагался он непосредственно перед царскими, и являлся… личным вагоном министра путей сообщения. Убивший отца и чуть не убивший его вагон…

…Впрочем – в России все-таки нашелся один человек, которого безопасность императорской семьи взволновала всерьез.

Им был занимавший скромный пост управляющего Юго-Западными железными дорогами Сергей Юльевич Витте. В сентябре 1888 года, когда царский поезд ехал в Крым, его по должности сопровождали на своем участке пути Витте вместе с главным инженером Юго-Западных дорог Васильевым. И вот – сидя в министерском вагоне, они обратили внимание на странный стук под днищем. Кроме того – вагон кренился влево – и заметно.

На остановке Витте вызвал сопровождавших поезд механиков и указал им на неисправность.

Те ответили – что с этим вагоном часто такое бывает, и все благополучно вроде было до сего дня – но они так и быть займутся ремонтом в Севастополе. Но на обратном пути механики заявили, что уж коли министерский вагон выдержал крымские горные дороги, то теперь с ним тем более ничего не случится. Витте пытался воззвать к самому Посьету, но тот укладывался спать и через прислугу посоветовал Витте подать докладную в министерство. И Сергей Юльевич ее подал, описав неправильность формирования и обслуживания поезда особого назначения. Теперь эта докладная была подшита к делу…

Рядом была служебная записка Витте касающаяся предотвращения возможных несчастий…

«Система движения императорских поездов должна стремиться не нарушать всех тех порядков и правил, которые обыкновенно действуют на дорогах».

Вчера Георгий имел с этим умным и въедливым железнодорожникам не очень долгую, но насыщенную беседу – Кони счел нужным вызвать его в Петербург.

– Что вы все таки думаете о причинах столь ужасной аварии? – спросил он после обсуждения деятельности комиссии.

– Ваше Высочество, – почтительно склонив голову произнес Витте. Я не полицейский, а железнодорожный служащий… И мне как железнодорожнику было бы проще всего настаивать на том что имела место трагическая случайность…Так говорят господа Кронеберг и Таубе… Или господа из правления дороги. Это диктует если угодно честь мундира, но…

– Подождите… эта случайность могла произойти ТОЛЬКО на этой дороге? – оборвал его Георгий

– Ваше высочество, – понимающе кивнул Витте – если бы это было так хитро подстроено… но – увы! Мой ответ: везде на этой дороге.

Я не только железнодорожник – я все-таки заканчивал математический факультет… – Сергей Юльевич улыбнулся с легкой печалью. – И как математик я не могу быть неточным – и я скажу что этого бы не случилось если бы не было долголетнего грубого нарушения правил железнодорожных перевозок по всей дороге без исключения. Как говорит старая русская пословица: «С Божьей стихией и царям не совладать». То же касается и современной техники – резюмировал Витте. Это не прежние времена и надеяться на «авось» да «небось» как предки невозможно. Ибо у предков было от силы три лошадиных силы – а в самом маленьком паровозе – четыре сотни коней… Увы – бардак и разгильдяйство в железнодорожном хозяйстве империи вообще и в части эксплуатации царского поезда в частности сделали это все возможным…

…Тем временем – когда впервые всплыл вопрос о вине высших чинов – атмосфера вокруг этого дела стала меняться.

Хотя Посьет через месяц после трагического крушения под Борками был смещен с министерского поста, но почти сразу назначен в Государственный совет с приличной пенсией. Его супруга только и делала что рассказывала в великосветских петербургских салонах, сколь сильно он удручен происшедшим.

В салонах Посьета жалели. Все сходились во мнении, что бесчеловечно было бы публично объявить его виновным. А в харьковских гостиных очень сочувствовали членам железнодорожного правления злополучной дороги – некоторые из них были очень видными фигурами в местном обществе, у них были такие очаровательные жены…

Зато про Кони стали говорить, что он социалист, «красный», «возбуждает рабочий вопрос» и чуть ли не бывший член недоброй памяти «Народной воли». Даже доносы такого рода на него писали.

Как же все быстро забыли, что вообще-то речь шла о царской семье и гибели монарха!

Всплыли и другие подробности – касающиеся уже и самой дороги… И вот когда начали разбираться с этими вопросами – то вскрылось такое что удивился даже старый судейский чин Кони…

Строили Курско-Харьковско-Азовскую дорогу по концессии. Принадлежала она акционерам и была сдана в эксплуатацию раньше запланированных сроков… Но еще в конце 1870-х годов вокруг нее было столько злоупотреблений, что ее инспектировало несколько правительственных комиссий – и от Министерства Путей сообщения, и от Министерства финансов, и от Министерства государственных имуществ. Они судили-рядили и в итоге порекомендовали правительству выкупить дорогу в казну на условиях рассрочки.

Три с лишним года назад – в 1885 году изучить ситуацию на месте был прислан правительственный инспектор – упомянутый Кронеберг. Поначалу он попытался было бороться со злоупотреблениями, но его усилия никто не поддержал и в итоге он махнул рукой Как отметил Кони, не преминувший взять его в оборот, чиновник был подавлен, отвечал невпопад. Но обер-прокурору удалось его разговорить… И пока регент читал допросные листы он в ярости изломал не один карандаш.

Кронеберг: Все последнее время я ходил к ним на заседания с револьвером.

Кони: К кому?

Кронеберг: В правление дороги. Мне открыто грозили расправой.

Кони: Не понимаю! Кто Вам грозил? За что?

Кронеберг: (после долгого молчания) Вам известно, что через два месяца правительство выкупает дорогу? Так вот, за последние восемь лет доход правления вырос в шестнадцать раз!

Кони. Поясните – каким образом вопрос о прибыли касается несчастного случая?

Кронеберг: Не знаю кто составлял выкупное соглашение но по нему господину Полякову и его акционерам в течение следующих шестидесяти лет правительство обязывалось ежегодно выплачивать сумму, равную среднегодовой прибыли за последние семь лет. И эти господа сделали все чтобы раздуть прибыль – уменьшили расходы.

Кони: Так Вы можете назвать имена?

Кронеберг: Это не тайна. Барон фон Ган, Поляков, инженер Хлебников…

Кони: Может быть, мы продолжим разговор в присутствии следователя? Вы готовы?

Кронеберг. Готов. Хуже не будет.

Дальше была справка выписанная Витте.

И в самом деле – господа акционеры прибыль увеличивали как могли.

Правление дороги экономило на ремонте подвижного состава, но не забывало мошенничать с закупками угля… Те же лица, что входили в правление дороги, образовали угольную компанию – и сами себе продавали бросовый уголь по завышенным ценам. А убыток покрывали казенной дотацией. И никто не удивился увидев среди контрагентов и заказчиков одни и те же имена…

Ну и конечно закупали вместо нормальных материалов откровенный хлам. Не диво что за семь лет предшествующих катастрофе, чистые доходы компании возросли в семнадцать раз(!!!). Жулики и гешефтмахеры не пренебрегали буквально ничем – словно крысы в амбаре они поедали все что могли, а что не могли – портили. При этом ворочая золотыми делами и снимая гомерические куши – они нещадно эксплуатировали работников, обжимали и обсчитывали на копейках мастеровых, механиков, землекопов…Машинисты проводили в пути по восемнадцать часов и валились с ног от усталости…

Кони, между прочим, сообщил, что до открытия железной дороги в Харьковской губернии было шестьдесят тысяч десятин леса, а на тот момент осталось меньше шести десятин: остальное истребили якобы на нужды дороги и топливо, пользуясь полным отсутствием контроля. На самом деле древесину вывозили за границу, а на шпалы пускали самый бросовый лес.

Прочтя об этом Георгий не удержался и швырнул в угол обломки очередного ни в чем неповинного «Кох-И-Нора».

Дальше-больше.

Участок пути Тарановка – Борки, на котором потерпел крушение царский поезд, еще летом того же 1888 года был признан аварийным, и машинистам рекомендовали тихую езду. Этот отрезок пути был введен в эксплуатацию всего за два года до крушения, но он изначально был уложен с превышением допустимого угла наклона, балласта насыпали меньше нормы, и насыпь постоянно оседала и размывалась дождями. Строили торопливо, шпалы клали бракованные, слабые, как следует поддерживать рельсы они не могли, а за два года кое-где и вовсе прогнили и рассыпались в труху. Правда, перед проходом чрезвычайного поезда балласт подсыпали, а шпалы заменили… на снятые с другого участка по причине их негодности.

Обычные поезда дорога худо-бедно выдерживала, хотя некрупные аварии случались часто.

Но тяжелый царский поезд на скорости в шестьдесят с гаком верст и сильно раскачивавшимся первым паровозом создал ненормально сильное боковое давление на рельсы и наконец разорвал их. Будь шпалы качественные, все бы, может, обошлось – проездил же этот состав десяток лет. Но шпалы были слабые и не выдержали. Паровоз сошел с рельсов, массивные царские вагоны раздавили находившиеся перед ними вагоны полегче, и довершил картину развалившийся министерский вагон Посьета. Шпалы оказались разрезаны вплоть до вагона наследника-цесаревича, стоявшего в составе десятым.

И вот итог – записанный Анатолием Федоровичем Кони четким почерком на бумаге с золотым обрезом и водяными знаками…

«Не имеется какой-то единой причины сего трагического происшествия – если только не говорить о преступном неисполнении всеми своего долга».

Вот так – «всеми своего долга». ВСЕМИ!

Если бы железнодорожных жуликов хорошенько встряхнули в 1885, если бы Таубе отцепил злосчастный министерский вагон, если б Кронберг и Кованько настояли на том чтобы снизить скорость на скверном участке…

И вот – погиб Император, а наследник, ставший государем Николаем II превратился в инвалида, неспособного выполнять царские обязанности.

Чёрт – насколько же Витте был прав!

Анатолией Федорович привел список тех кто должен быть по его мнению отдан под суд – Таубе, Шернваль, Черевин и, наконец – Посьет. Кроме того, само собой разумеется на скамью подсудимых должны были сесть и члены правления Курско-Харьковско-Азовской железной дороги – как за хищения так и за то, что довели дорогу до столь опасного состояния.

А ниже была приписка – говорившая что это на данный момент невозможно. Как оказалось – привлечь к суду персон такого ранга в России было делом неслыханным. Посадить машиниста или стрелочника – наконец начальника дистанции – это по нашему….

Но вот что касается ответственности министров и прочих высоких сановников – так об этом прежде и речи не заходило.

Более того – законами Российской империи вообще не была предусмотрена процедура привлечения министров к суду…

Прежде конечно бывали случаи когда высшие чины и генералы оказывались в немилости – но все решалось личной императорской волей – обычно отставка и опала…

Последним всерьез наказанным сановником был фельдмаршал Миних – сосланный в Сибирь впрочем не за какие то вины – а просто потому что был сторонником Анны Брауншвейгской… Как много однако предстоит сделать…

* * *

10 февраля 1889 года дело о крушении слушалось в Регентском совете. Члены совета решили перенести рассмотрение вопроса на полгода, поскольку было непонятно, что будет с Императором Николаем II.

Регентский Совет выслушал подробный доклад Кони и согласился, что судить следует всех главных виновников: не взирая на чины и прошлые заслуги. Тогда же Регент Е.И.В.В.К. Георгий отдал распоряжение министру юстиции разработать и провести через Государственный совет соответствующий законопроект.

Новый закон был вскоре принят. По нему вопрос о предании министров суду сперва должен был идти на рассмотрение императору, а затем, «удостоясь высочайшего уважения», поступал в Государственный совет. После чего передавался в особое присутствие при Государственном совете и там уже окончательно голосовали за отдачу под суд, прекращение дела или наложение взыскания без суда.

* * *

5 марта 1889. Зимний дворец

В столовой, обшитой дубовыми панелями, было прохладно – впечатление усиливали белая скатерть и белая с золотом мебель.

Сегодня Георгию предстоял семейный ужин.

Вошёл камер – лакей с большим подносом: суп «консоме», подогретые московские калачики и соленые витые батоны, индюшачья котлета с перцем и мускатным орехом…

В молчании царская семья трапезничала…

Было тихо – казалось что они одни в этом огромном дворце…

Как регенту бы не хотелось – но пока что никак сменить эту привычную главную резиденцию русских государей на что-нибудь еще не получалось…

…Трёхэтажное здание Зимнего с его обширными подвалами и полуподвалами и многочисленным антресольным этажами, с его композицией из ступенчатых

углов, с изменчивым ритмом колонн создающих впечатление, незабываемой торжественности и великолепия. Внутренность тоже не уступала наружному декору.

«Тронный зал», «Белый зал». «Парадная опочивальня», она же «Алмазный покой». «Фельдмаршальский», «Петровский» и «Гербовый» залы.

Малахит, яшма, орлец, крепчайший карельский лабрадорит…

Камень – всюду камень, строгая белая лепнина на вид кажущаяся плотным снегом…

Несмотря на то что уже скоро лет сорок в здании была устроена система отопления «аммосовскими» печами нагнетавшими в комнаты коридоры нагретый чистый воздух через особые каналы, в воздухе витала некая неизбывная прохлада… Словно усилий множества истопников суетившихся в подвалах у огромных топок не хватало чтобы протопить каменную громаду. Не зря в помещениях стоят камины – чтобы хоть их живой огонь отчасти прогнал это ощущение гранитного холодка.

Надо бы поменять тут отопление на надежное паровое…

Но никакому отоплению не изгнать холод прошлых злодейств и несчастий.

Слишком много приключалось всего в этом дворце такого, что давит тяжелее этих стен, слишком много того что англичане называют «skeleton in the cupboard».

Тут умерла Екатерина Великая – и тело монархини еще не остыло когда примчавшийся из Гатчины Павел Петрович вместе с Безбородко и Кутасовым жгли в камне документы прежнего царствования среди которых были видимо и завещание в пользу Александра I, и метрика о венчании царицы с Потемкиным…

Здесь 14 декабря 1825 года один человек решил судьбу династии уже приговоренной заговорщиками.

Полковник лейб – гвардии Финляндского полка Александр фон Моллер, член тайного общества, со своим батальоном занимал караулы от Зимнего дворца до Адмиралтейства, неотлучно находясь при Николае I. Он мог арестовать всю семью и отдать на расправу сподвижникам – и не было бы тогда ни отца ни деда – еще мальчика – ни само собой его – Георгия (Да и была бы Россия?) Но полковник выполнил свой долг солдата и верноподданного – хотя в заговоре состоял едва ли не с самого начала.

Почему фон Моллер поступил так? Бог весть – прадед насколько известно никогда этого не доискивался – лишь повелел «оставить без внимания» показания других мятежников о фон Моллере. А сам Александр Федорович дослужившийся до генерал-лейтенанта не оставил записок.

…Да, глубока и полна противоречий человеческая душа! В 1837 году Зимнем дворце случился пожар, который тушил лично царь… Он смело бросался в самый огонь во главе своих гвардейцев – не раз и не два уходя из залов и комнат буквально за считанные секунды перед тем как их поглотит пламя – второй раз в жизни сыграв со смертью в чет-нечет… Сановники потом предлагали снести руины и избрать новую резиденцию. Но государь был непреклонен – дворец был возрождён за два года – на стройке по легендам померло множество рабочих, не покладавших рук ни зимой ни поздней осеню работая в залитых ледяными дождям котлованах… На костях, шептались, стоит дворец – как и вся столица…

(А какой город мира сего не стоит на костях?)

Именно здесь Георгий – еще мальчиком – мог погибнуть когда взорвалась бомба безумного Халтурина.

Фанатик, с изощренной хитростью проникший в придворные столяры, почти полгода таскал за пазухой и в карманах динамит мелкими порциями, хранил его в подушке, рискуя что сваренное на петербургских кухнях студентами – неучами зелье взорвется в любой момент, надышался ядовитым парами до чахотки… А убил лишь двенадцать солдат – таких же мужиков как он, героев недавно закончившейся русско-турецкой войны… Здесь тот же Халтурин, вешая картину в царском кабинете пока Александр II занимался бумагами за столом, хотел было подойти к ничего не подозревающему государю со спины и исполнить мечту народовольцев одним ударом тяжелого молотка…

Но не посмел… Не смог поднять руку на беззащитного человека? Это вряд ли – скорее просто растерялся. А может просто дело в том что план со взрывом бомбы оставлял шанс бежать, а тут неизбежно был бы схвачен на месте преступления? Или… причина иного свойства? Среди бумаг дела первомартовцев нашел Георгий сообщения что когда обсуждался план еще первого покушения Лавров предлагал застрелить монарха с дальнего расстояния из штуцера – когда тот прогуливался в открытом ландо или лично принимал развод караулов у Зимнего… На что Вера Фигнер возразила – мол мало того что пуля оставляет шанс даже при тяжком ранении – так это еще «не подходящая для тирана смерть». Государя всероссийского по ее мысли должно разорвать в клочья в громе и огне – чтобы внушит всем истинный ужас.

Сюда привезли умирать деда (четыре дня назад минула годовщина!), а потом торопливо заменяли мраморные плиты на лестнице, залитые царской кровью…

Нет – наверное все же ему потребуется другая резиденция!

Между тем ужин закончился. После того как слуги убрали, кондитер расставил горки с конфетами, а старый гоф-фурьер, выглядящий не менее как действительным статским советником, в строгом темно зеленом с золотыми пуговицами сюртуке и в белом галстучке принес кофе со сливкам, и миндаль в вазочках, а также еще горячий берлинский штрудель…

Закончился десерт, и унесли посуду. А в приоткрытую дверь проскользнул упитанный серый кот – по хозяйски оглядывавший царскую семью. Он был здесь дома – в коридорах и подвалах Зимнего несли царскую службу множество кошек – потомков привезённого Петром I из самой Голландии кота Томаса и выписанных Елизаветой Петровной из Казани «для ловли большого количества мышей в Зимнем дворце» трех десятков мурлык.

Но появившийся лакей не позволил коту беспокоить августейших особ – подхватил и вынес за дверь – тот даже не мяукнул…

Георгий невольно улыбнулся.

Как покойно и благостно все-таки, – промелькнуло у него. Как при рара…

И тут как ножом прямо в сердце и душу ударило острой болью!

Только сейчас, спустя месяцы он вдруг – нет, не узнал и не понял – но прочувствовал что отца больше нет с ними. Что уже не войдет он поскрипывая солдатским сапогами, не подхватит на руки маленькую Ольгу, не пожурит Николая за нетвердо выученный урок по стратегии или географии, не похвалит Михаила за хороший рисунок, не вздохнет нарочито над очередной модной шляпкой матушки: «Ох, тебе бы все деньги мои транжирить, Marie!»

Никогда больше…

Невидимая рука сжала ему дыхание, и с минуту – другую он сидел недвижно, глядя на рдеющее угли в камине… Почудилось что в дверях стоит высокая такая знакомая фигура – уходящая…

Захотелось вдруг расплакаться – но слез не было.

* * *

29 марта 1889 года. Гатчина

– Так все таки – Николай Матвеевич – из за всего этого могла произойти война? Так сказать настоящая война? – осведомился Георгий. И уточнил – наподобие франко-прусской или австро-прусской?

– Признаться не думаю Ваше Императорское Высочество – хотя бы не исключал такой возможности полностью… – управляющий военно-морским министерством по обыкновению старался быть точным.

С одной стороны сражаться за такой крошечный кусок колониального пирога неразумно в высшей степени… С другой стороны – надо знать характер мышления германцев…

– Тот же Дитрихс действовал вполне авантюристично и воинственно в 1885 – во время спора из за Каролинских островов пруссаки едва не довели до войны.

Испанцы подготовили эскадру для отправки в Пацифику, но Берлин таки отступил. Кто знает? Может и тут бы отступили – но ведь тогда враг не был в прицеле их орудий…

Обратите внимание – немцы не пытаются договариваться ни с туземцам ни с другим державами когда какая-то земля их интересует – они просто приходят и берут. Прямо почти по нашей русской поговорке «А ну-ка отними!» Вот и Новая Гвинея, Соломоновы острова – взяли и никто не решился возразить… В Африке тоже самое… Отобрали у португальской короны Вико – просто заняв его – и все это проглотили… Рано или поздно это должно плохо кончится…

Адмирал Чихачев покачал головой словно сокрушаясь относительно тевтонской ярости…

Георгий глубоко задумался глядя на стопку газет посвященную кризису случившемуся на другой стороне Земли да еще в Южном полушарье.

…Итак, архипелаг Самоа. Площадь – от силы пара сотен квадратных миль.

Гористые острова, окруженные коралловыми рифами, всего две гавани, не слишком удобные и открытые всем ветрам. Основные морские пути проходят далеко в стороне, полезных ископаемых или просто чего-то полезного – ровно ничего….

Кокосовые и банановые плантации, посадки кофе, несколько сотен плантаторов и моряков и пара десятков тысяч туземцев… Торговцы и плантаторы с миссионерами построили берегах бухты Апиа европейский городок с таким же названием. разделенный на кварталы, населенные выходцами из трех стран, управлявшихся их консулами. И всё.

Сказать по правде – будь такой архипелаг к примеру в Балтике – то и тогда Георгий не стал бы из-за него ссориться с соседями.

Однако вокруг этих клочков суши на юге Тихого океана на его глазах завязался узел упорного и опасного противостояния между тремя державами.

Сперва бритты начла исподволь укрепляться на новых землях, затем первую скрипку стали играть немцы, интриговавшие против англичан, и перетягивавшие на свою сторону туземных вождей.

Но и тех и других внезапно опередили американцы, создав правительство из своих местных сторонников, возглавляемое неким полковником Штайнбергером(в Америке как кажется полковников раз в пятьдесят больше чем полков). В ответ на это англичане высадили десант с оказавшегося в водах архипелага корвета «Барракуда», разогнали «правительство», а Штайнбергера арестовали, и вывезли на Фиджи. Разразился дипломатический скандал, который англичанам с трудом удалось замять... В июне 1887 года в Париже произошла конференция трех держав по самоанскому вопросу, окончившаяся ничем. Опять ситуация обострилась. На острова прибывали военные корабли всех трех стран и транспорта с оружием для враждующих племен.

Потом по приказу консула Германии доктора Кнаппе, немецкий десант при поддержке артиллерии с двух канонерок атаковали лагерь местного короля Матаафы, которого поддерживала Англия.

Туземцы однако оказались не промах и отбили атаку – хотя и потеряв много народу.

После этого, разозленные неудачей, немцы захватили английский барк «Ричмонд» с боеприпасами для аборигенов. В ответ англичане и американцы принялись укреплять свои кварталы, готовясь к уличным боям.

…В европейских, американских, австралийских газетах появлялись сообщения о приближающейся почти неизбежной войне между крупнейшими державами, из за островов, которые и на карте не вдруг разглядишь…

11 марта на Самоа прибыл американский крейсер «Трентон» под командованием целого адмирала Кимберли, чтобы сказать свое решающее слово в грядущих боях. Порт к этому времени был заполнен военными кораблями различных стран – три американских корабля, три немецких, да еще английский корвет «Каллиопа». У заряженных орудий в полной готовности дежурили расчеты. Европейские кварталы смотрел друг на друга через прицелы «винчестеров» и «маузеров», превратившись в настоящие военные лагеря. Да к тому же разъяренные туземцы были полны решимости рассчитаться с немцами – для

чего собрались под стенами Апиа…

В любой момент могла начаться перестрелка между кораблями и драка на суше…

Но наступило 15 марта и внезапно барометр внезапно начал неудержимо падать.

Уже к двум часам пополудни начался сильный шторм, и гавань, уже не могла служить убежищем.

Даже неопытный моряк знал что в таких случаях единственный выход – уйти в открытое море, где только и была надежда пережить надвигающийся тайфун.

Но никто не тронулся с места – ибо уйти это признать поражение.

К ночи шторм перешел в настоящий ураган неслыханной силы – как писали корреспонденты подобной силы буря последний раз разыгралась два десятка лет назад.

Первой погибла немецкая канонерка «Эбер»…

Сорвав с якоря стихия бросала её по всей бухте, пока экипаж тщетно пытался увести корабль от убийственных рифов. «Эбер» столкнулся сначала с американским кораблем «Нипсис», потом с немецкой же «Ольгой». Во время второго удара он потерял ходовые винты. Это был конец. В течение нескольких мгновений корпус беспомощного корабля пропороли коралловые рифы. Из семидесяти семи человек экипажа спаслись лишь пятеро.

Затем с якорей была сорвана злосчастная «Ольга», которую шторм поочередно бросил на многострадальный «Нипсик», затем на «Каллиопу» и наконец на «Трентон», после чего вышвырнул ее на отмель.

На рифах погиб и американский «Нипсис». Крейсер «Трентон», флагман американского флота, был сорван с якорей и потерял руль, вода залила машинное отделение и погасила топки… После этого беспомощный исполин оказался на отмели. Командир корвета «Адлер», капитан Фрице, попытался

спасти корабль довольно рискованным маневром. Когда он понял, что не сможет избежать столкновения с коралловым рифом, то решил «перепрыгнуть» его на высокой волне. Но тщетно – волна аккуратно насадила его на клыки рифов…

За ним последовала «Вандалия», затонув рядом с «Трентоном».

Командир «Каллиопы» капитан второго ранга Кейн понял, что в порту его судну грозит верная гибель. Расклепав цепи и подняв до предела давление в котлах, он вышел из порта прямо в лоб тайфуну. Медленно продвигаясь вперед, взлетая на десятисаженные волны, «Каллиопа» все же вышла в открытый океан…

Как хорошо что все это кончилось – во всяком случае, сейчас готовился конгресс в Берлине где скорее всего будет принято решение поделить злополучные острова между САСШ и Германской империей.

… Если оценивать силу эскадр в Апии, то тут явного перевеса не видно, – между тем обстоятельно рассказывал Чихачев. Скорее всего они бы перетопили друг друга. Но вот как бы развивались события после сражения сказать трудно. Немцы могли выслать в Тихий океан эскадру своих больших броненосцев, Их у них восемь штук – две дивизии – это только перворанговых которые как раз в прошлом году прошли замену железной кованой брони на стальную катанную – «компаунд».

Кстати – у нас в этом вопросе еще как говорится и конь не валялся… Американцы имеют «Белый флот» – это большие бронепалубные крейсера – но они в Атлантике. С другой стороны у немцев единственные базы в тех местах – это Маршалловы острова и Новая Гвинея – и чтобы дойти до них нужно идти через Суэцкий канал – и если Англия вовлечена в войну то сами понимаете… – он покачал головой.

Хотя если бы немецкие и американские флоты схлестнулись всерьез я бы не поставил на американцев – по крайней мере свое жалование – позволил себе усмехнутся Чихачев. У Америки корабли положим неплохи да вот люди – так себе… Южане прорывали блокаду под носом у многократно сильнейших эскадр и на самодельных броненосцах из старых рельс ухитрялись побеждать новейшие мониторы.

– Какое счастье что Самоанский вопрос нас не касается! – изрек регент покачав головой.

И Чихачев невольно отметил что тот вполне серьезен. И решил что и дальше обращать все в шутку неуместно…

– Боюсь огорчить вас Ваше Императорское Высочество – но у России не очень много шансов избежать большой войны буде такая вспыхнет – тем более война где участвует Германия.

– Вы уверены? – голос Георгия звучал по-прежнему серьезно и весьма заинтересованно.

– Ну – вздохнул адмирал – я знаю стратегию сухопутных войн постольку поскольку – но для англичан и американцев – а они скорее всего действовали бы заодно – стало бы жизненно важным перенести боевые действия на границы Германии. А для этого есть только один способ – привлечь к войне Францию. А Франция к сожалению ослеплена мечтой о реванше за неудачную войну 1871 года и возвращении Эльзаса и Лотарингии.

Но насколько можно понять Германия без особого труда разгромит французскую армию, возглавляемую теми же самыми генералами и маршалами, которые блистательно проиграли минувшую войну, – не без иронии прокомментировал он.

Флот же французский… – он хитро прищурился. Он силен – но только на бумаге.

Из чуть не двух с половиной десятков броненосцев половина – это панцирные с деревянным и полудеревянными корпусами – причем больше всего – древних «Провансов» «Океанов». А ведь сейчас артиллерия уже не та что даже десяток лет назад – и при обстреле хватит десятка другого снарядов. Если даже внутренний корпус и не загорится как это случилось с «Ришелье» и не будет пробита броня – то не выдержит сама конструкция…

Собственно еще при вашем деде Бутаков об этом говорил – когда великий князь Константин предложил было не мудрствовать лукаво, а строить в большом числе обшитые железом деревянные линкоры – как французы с их «Глуарами», – к случаю вспомнил адмирал.

Из оставшихся, – продолжил он, – чего то стоят по большому счету лишь «Адмирал Дюперре» и «Редутабль». Там шесть штук специальных легких броненосцев для колоний – по сути больших канонерок. Четыре «Террибля» – стреляют раз в полчаса… Нет – ни на море ни на суше они не противники пруссакам.

– И немцы второй раз войдут в Париж? – недоверчиво покачал головой Георгий («А наши то молятся на французские теории – и оружие у них закупать хотят»)

– Если будет куда входить. Сейчас во припомнил, Ваше Высочество, что во время франко-прусской войны специально для штурма французской столицы было заготовлено почти полмиллиона разрывных снарядов… А германское духовенство по этому случаю обращалось к кайзеру с нижайшей просьбой – стереть с лица земли Париж ибо это – де нечестивый «Новый Вавилон».

(«Полмиллиона? У нас в армии сейчас столько есть?»).

– А у нас договоры и с Францией и с Германией – и как бы не повернулось – нам придется выбрать чью то сторону.

– Ну хорошо, Николай Матвеевич. Хорошо что все это в прошлом…

Отпустив управляющего делами морского министерства Георгий глубоко задумался.

Перед внутренним взором регента вдруг предстал Петербург. Не нынешний – а послевоенный.

Город лежал в руинах, разгромленный огнем с тех самых замечательных немецких броненосцев со стальной катанной броней – и не так уж даже важно что вражеская эскадра заплатила дорогую цену за прорыв через минные поля и линию фортов… Пустынный, почти брошенный людьми по улицам которого смело бродят вышедшие из лесов волки… Так же выглядели Вена, Париж и Берлин и даже Бостон – и его не пощадили пушки врагов. Дрейфуют в Атлантике кверху килем хваленые американские крейсера… Лежат неубранные сотни тысяч трупов на полях битв – как по мемуарам очевидцев лежали они после войны 1812 года…

И все это из за каких-то островков на краю света? А главное – это понимание того что по сути бессилен – вздумай немцы или французы воевать – России их не остановить. И придется воевать – без снарядов в достатке и со старыми винтовкам. Липкое тяжелое бессилие завладело им.

Ох «бремена неудобоносимые»!

В дверях появился Кауфман – осведомиться не нужно ли чего – уже вот привык к нему хотя и не назначал вроде ни на какую должность… Должность…

– Михаил Алексеевич, – остановил он подполковника. Скажите – вы ведь собирались просить перевода в свиту Николая Александровича.

– Так точно, Ваше императорское высочество! – отрапортовал артиллерист. Но передумал!

– Вот как? А можно узнать почему?

– Да не сочтете вы за лесть, Ваше императорское высочество, – Кауфман смешался. Но мне почему то нравится служить при вашей особе!

– А почему же?

Кауфман промолчал. А потом вдруг негромко произнес – Мне кажется… у меня еще не было командира лучше… Вас.

Теперь уже удивился Георгий.

– Лесть?? – с привычным недоверием глянул он в глаза Куфману. Тот не отвел взора Георгий понял – нет, правду говорит. Черт – кажется он не ошибся… Прямо карта сама в руки идет.

– Ну-с – раз так… Как вы посмотрите на то чтобы возглавить мою охрану?

Подполковник ответил не сразу.

– Но, Ваше высочество, – я конечно знаком с этим вопросом – но лишь постольку поскольку служил в лейб-гвардии. А господин полковник Ширинкин…

– Господин полковник Ширинкин – помощник господина Черевина, – сухо и отрывисто сообщил Георгий. А господин Черевин – командовал охраной моего отца…. И хотя вины ни того ни другого тут вероятно нет – но мой отец мертв. И это не лучшая рекомендация в моих глазах.

Кауфман помолчал с полминуты потом вытянувшись по стойке «смирно» спросил:

– Когда прикажете принимать должность, Ваше Императорское Высочество?

* * *

13 апреля 1889 года, Зимний дворец, «Гербовый зал»

…Таким образом, по заключению членов консилиума улучшение здоровья и выход Николая Александровича из паралича невозможны и, следовательно, можно говорить о недееспособности Императора. У меня всё, – закончил Груббе и с виноватым видом захлопнул папку…

Заседание Регентского Совета, на котором должен был быть заслушан доклад консилиума придворных врачей о состоянии здоровья Императора Николая II можно было считать оконченным.

– Значит – никакой надежды? – тихо спросила Мария Федоровна.

– Ваше Величество, – Груббе машинально одернул вицмундир придворного ведомства на петличках которого красовались бронзовые римские цифры «VII».

Истории известны чудесные исцеления – но я бы потерял право именоваться медиком если бы обнадежил Вас. Как и родню любого пациента с аналогичным травмами в подобном случае, – уточнил он. Возможны отдельные улучшения – но если состояние Государя не будет в дальнейшем ухудшаться – это можно будет

считать врачебной удачей.

– Но позвольте, – высказался Павел Александрович. Я не глубокий знаток лекарского искусства, но знаю что многие люди с параличом из за ран и повреждений, тем не менее в дальнейшем вели достаточно бодрую жизнь и сохраняли умственную и даже отчасти физическую активность и крепость. Причем многие годы! Пусть Его Величество и не сможет принимать парады верхом – но в конце концов в наше время это и не есть непременная обязанность монарха!

– Это так! – кивнул Груббе. Обдумывая возможность излечения… нашего августейшего пациента, я – и мои коллеги тщательно изучили подобные примеры – если хотите можете справится в Военно-Медицинской Академии. Но это всё как правило случаи когда человек получал на поле боя одну рану – пусть даже и серьезную. Тут же организму молодого царя было нанесено сразу несколько травм – причем любая из них вполне могла закончится трагически… Однако решающим является двойной перелом позвоночника и глубокий паралич. Еще раз повторю – если удастся добиться стабильного прогноза и в дальнейшем – мы почтем свой врачебный долг исполненным.

– Но может быть… – начала Мария Федоровна. Может быть в будущем найдется средство или метод…

Губы ее задрожали.

Георгий ощутил острую жалость к матери.

Еще недавно моложавая и хорошо выглядящая цветущая женщина сорока четырех лет выглядела сейчас почти старухой.

В последнюю ее поездку в Харьков Николай вдруг опасно заболел – всего лишь попросил открыть окно – проветрить комнату – поддавшись обманчивому ощущению весны и тепла. И вот сквозняк, простуда, жар, испуг в глазах медикусов и сестер милосердия…

…Императрица сама дежурила у постели сына. В течение десяти дней она почти не ложилась спать и не раздевалась. У кровати была поставлена кушетка, на которой она отдыхала и, если можно было, позволяла себе немножко

вздремнуть. Но почти всё время она сидела возле находившегося в полубреду сына, бодрствуя и молясь.

Сидя у постели Николая, Мария Фёдоровна прикладывала компрессы к его пылающему лбу, следила за тем, чтобы вовремя давали лекарства – а иногда просто держала его за руку. Помочь ему она ничем не могла. Она с радостью отдала бы жизнь, если бы это избавило царственного сына от страданий, но помочь ему было не в её силах.

Простуда все же отпустила брата из своих когтей… Но в остальном все осталось как было. Уповая на помощь Царя Небесного что не оставит царя земного в Харьков со всей возможной почтительностью было привезено несколько прославленных чудотворных икон – чем вызвали насмешки в интеллигентной среде – мол эвон какое мракобесие(впрочем смеялись немногие и вполголоса – сочувствие к Николаю II было сильно даже в этих полунигилистических сферах). Был привезен из Петербурга сам Иоанн Кронштадтский, которого всерьез называли чудотворцем.

Но как изрек отец Иоанн беседе с матушкой – также как подобает уповать на помощь Господа – также и кощунственным будет требовать от него чудес.

Слухи вокруг состояния царя тем временем только усиливались.

Утверждали что дескать монарх страдает от ужасных болей и не раз уже просил дать ему яду. Говорили и иное – что мол изначально повреждения были и не так уж тяжелы и была надежда на хотя бы частичное выздоровление. Но де Николая II «залечили» по воле «кагала», имевшего давние претензии к российским властям, «врачи-жиды» – Лейден, Захарьин и Гирш.

Регент покачал головой. Определенно кто-то на юдофобии помешался.

Записать в евреи знаменитого германского клинициста Эрнста Виктора Лейдена приглашенного Груббе – он бы мог еще понять. Но Григорий Антонович Захарьин – между прочим как не без удивления узнал Георгий – родственник династии Романовых (он принадлежал к древнему московскому боярскому роду Захарьиных, родоначальником которого считается Захарий Иванович Кошкин)? Его-то каким боком сподобились приписать к «избранному народу»?

А уж то что Густав Иванович Гирш верой и правдой служивший трём императорам – включая Николая, происходит из семьи эстляндских крестьян – это знал всякий хоть немного вхожий ко Двору.

Между тем в Министерство двора на личные адреса лейб-медиков начали поступать письма и телеграммы из за границы от медицинских светил того или иного калибра – предлагавших свои многообещающие (и столь же сомнительные) методики лечения. Даже из самой Америки приходили проспекты пресловутых «патентованных средств» – иные даже готовы были предоставить их даром – только за одну славу царских аптекарей.

Разные изобретатели и непризнанные врачи – новаторы слали чертежи лечебных приборов – на взгляд Георгия напоминавших нечто среднее между произведениями безумного механика и орудиями изощренных пыток.

Мария Федоровна даже несколько раз спрашивала – может быть все же есть за этим всем некая надежда? Ведь наука в нынешнем веке достигла и в самом деле изрядных успехов – вдруг и столь тяжкие травмы поддадутся ее усилиям? В конце концов – не так давно еще смеялись над Пироговым и не оценили гениального Зиммельвейса!

(Георгий при мысли об этом зло сжал зубы – какими же мерзавцами надо быть чтобы пытаться сделать имя и деньги используя материнское отчаяние!)

На это Вельяминов и Захарьин показали вдовствующей государыне подборку статей на разных языках рассказывающих о жертвах докторов-обманщиков и о процессах над ними. И та печально вздохнув, приказала секретарю все подобные письма сжигать, ей не показывая.

Даже предложивший было свои услуги ставший знаменитым тибетский лекарь Бадмаев после изучения царского анамнеза и разговора с Захарьиным с глазу на глаз, виновато развел руками. Среди его рецептов, которые он по слухам похитил у хранивших их тысячелетия «махатм» тоже не оказалось тех, что могли бы поднять императора на ноги.

Так или иначе – и без консилиума окончательно все уверились в мысли что государя исцелит лишь чудо.

За чудотворцами и всякого рода колдунами дело впрочем не стало. Опять пошли письма – писали провинциальные батюшки и помещики средней руки и всякие темные личности – мол у них есть кандидатура которая точно поднимет монарха на ноги. Мелькали имена и известные в обществе и никому не ведомые… Богомолка Дарья Осипова, «странник Антоний», ворожея Матрена-босоножка, юродивый Митька Козельский… Красноярский вице-губернатор Мартьянов сообщил что дескать шаманы северных самоедов в их губернии чуть ли не мертвых оживляют – о чем известно осведомленным людям – и он готов поймать и прислать ко двору парочку.

Не удержавшись Георгий показал письмо Бунге – мол Николай Христианович, полюбуйтесь кто служит в провинциях российских. И глава Комитета министров разразился желчной речью что у господина Педашенко, енисейского генерал-губернатора, либерала и вольнодумца в подчиненных оказывается ходят натуральные мракобесы.

(Да – пресловутому Мартьянову теперь уж точно не стать губернатором – разве что новоучрежденной самоедской губернии).

Пожаловали и иноземцы – австриец-спирит Шенк и выписанный из Франции фрейлиной Евдокией Джунковской некий мсье Филипп. Как выяснили жандармы господина Шебеко – в прошлом – лионский колбасник, затем фельдшер-самоучка; преследовался французской полицией за шарлатанство и обман клиентов.

Даже Витте получил послание от своей помешавшейся на мистике тетке – госпожи Блавацкой. Она передавала предложение небезызвестного Папюса – приехать и посрамить врачей своей магнетической силой. (У Сергея Юльевича хватило ума и такта это письмо матушке не показывать – он о нем сообщил лишь Георгию)

Конец всему этому положил лейб-медик Вельяминов, сказавший что даст всем этим кудесникам ход в царские покои лишь если они на его глазах вылечат хоть одного выбранного им больного:

«Например от их флюидов у безногого вырастет нога!» – со злой насмешкой уточнил он.

Шенк на ломанном русском пообещал что проклянет маловера – на что Вельяминов обратился напрямую к Дурново (которого знал лично по учреждениям Императрицы Марии). И чины министерства внутренних дел в свою очередь пообещали наглецу что или он уберется обратно в Австрию – или уже без помощи всяких чар перенесется в Сибирь – по этапу: согласно сразу двум статьям «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных».

Однако то, что страждущий монарх был избавлен от шарлатанов и патентованных мошенников с их патентованными средствами, не могло отменить неизлечимости его болезни.

И все чаще в разговорах о будущем матушка вдруг умолкала, внимательно глядя на второго сына, словно готовясь высказать нечто важное – но не решаясь.

– Так какую же рекомендацию можете дать Регентскому Совету вы? – вернул его к реальности голос великого князя Владимира.

– Прошу прощения, Ваше высочество, – с достоинством ответил Груббе. Мы лишь показали ситуацию какой ее видит медицина. Делать выводы государственного характера из вышеизложенного – сугубо не в нашей компетенции. Решение за вами, господа…

Расходились в молчании.

Статуи древнерусских воинов у входа провожали их каменными взглядами…

* * *

12 мая 1889 года

Императорский поезд прибыл из Петербурга на харьковский вокзал в одиннадцать часов утра. Весь путь он столицы занял намного больше чем обычно – мало того что от Брянска пришлось двигаться кружным путем из-за размытой дороги так еще и ехали со скоростью не больше чем сорок верст в час…

Само собой эти люди дули на воду – как бывает всегда после катастроф – есть в этом что то от языческого суеверия – как у предков Рюриковичей что крестили извлеченный из могил прах предков-язычников… Поезд это называли – неофициально – Особым. Всего четыре вагона – конвойный, кухонный – где обитала прислуга, и два пассажирских. В одном прибыли аж два великих князя с немногочисленной свитой. В другом – со столь же скромной свитой Вдовствующая государыня Мария Федоровна. На вокзале они все сели в закрытые кареты и под охраной полуэскадрона кавалергардов двинулись к «Временной Резиденции Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Александровича». Горожане не обратили особого внимания на кортеж – они привыкли что охраняемые повозки – не говоря уже о ландо с чиновниками и верховых фельдъегерях появляются на их улицах почти ежедневно. Поговаривали даже – уж невесть откуда возник сей слух – что Харьков официально станет если не первой то второй столицей – раз уж беспомощный монарх никак не может покинуть его без риска для жизни. Были и более мрачные слухи – добавлявшие седых волос жандармам и военным. Что де «нигилисты» бежавшие за границу собрали особую «Когорту обреченных», которая в некий урочный час тайно прибыв в Харьков атакует бывшее губернаторское жилище неся на себе адские машины. Что польские заговорщики поклялись истребить все августейшее семейство, и первым – несчастного царя-калеку, для чего думают пустить на его убежище воздушный шар с большим разрывным снарядом в корзине… Ну и тому подобный вздор который однако надо было проверять…

Так или иначе – но кавалькада благополучно добралась до цели. Крыльцо, прихожая, вестибюль, коридор – обычный дом шестидесятых годов. Запахи – ладана – видимо недавно служил священник; каких то неуловимых – неразличимых лекарств, и кухни, вперемешку с запахом сапожной ваксы и выделанной кожи – так пахнет дворцовая кордегардия…

Словно стараясь оттянуть неизбежное (хотя именно так и было – но как признаться самой себе в этом?) Мария Федоровна – и вошла в одно из помещений – наугад…

В узком двухпросветном зале второго этажа царил сонный полумрак. На диванах расселись караульные с подсмены, вскочившие при ее появлении.

На столе в глубокой фаянсовой миске румянились творожники с изюмом. На столе – севрюжья икра в запотевшей стеклянной вазе, свежий каравай, и

изрядный кусок хлебной ветчины, укутанный в мокрую льняную салфетку. Но конвойцы еще к трапезе не приступили – словно находясь в вялой полудремоте.

Она покинула помещение не отреагировав на приветствие.

Зато внизу, в кухне первого этажа было довольно оживлённо.

Вместо обычных дворцовых поваров – солидных и пожилых здесь ловко управлялся худощавый, юркий малый лет тридцати в красной рубахе и с короткой белой курткой поверх нее. Колпак ему заменяла белая косынка. Это и был знаменитый ныне на всю Россию Мирон Гурьевич Глотов – которому как раз недавно дали почти забытый придворный чин метрдотеля – между прочим двенадцатого класса по Табели о рангах. (Глотов сам и относил еду царю).

Ему помогали два поваренка и немолодая дородная тетка – серое платье и белый двусторонний немецкий фартук с кружевной оторочкой. Это была бывшая вице-губернаторская кухарка Марья Васильевна – царский повар взял ее в помощницы ибо у её прежнего хозяина имелись геморрой и желудочные колики – и она хорошо готовила блюда для недужных… Сейчас на подносе стоял второй завтрак для государя.

Каша – рисовая сваренная на свежем козьем молоке. Куринный бульон – крепкий и осветленный стерляжьими отжимками. Клюквенный морс в высоком стакане… При появлении вдовствующей царицы мундкохи истово поклонились – но та лишь принюхавшись к блюдам и оставшись видимо довольна качеством, покинула храм Кулины.

Поднявшись по парадной лестницы и пройдя за выстроившихся уже кавалергардов, Мария Федоровна наконец – то вошла в покои государя. Повелительный жест – и немолодая сиделка вспорхнула с низенькой табуретки и исчезла за дверью.

…Полумрак из за задернутых тяжелых штор, запах лекарств и все того же ладана, измученное лицо монарха на подушке. Мягкая бородка обрамляла ставшее почти иконописным лицо.

Мария Федоровна еле удержала слезы при виде сына…

Исхудавший, кости проступившие под обтянувшей лицо бледной кожей… Он всегда был такой жизнерадостный, улыбчивый…

– День добрый, матушка! – негромко приветствовал он гостью.

– Сын мой, – начала Мария Федоровна даже не присев.

Она едва ли ни всю дорогу обдумывала как начнет этот разговор, но сейчас поняла – рубить нужно сразу и без долгих околичностей – ибо перед лицом всего что случилось перед лицом своего страдающего ребенка все экивоки и политесы будут не просто излишни, но тошнотворны.

– Сын мой… Обращаюсь к вам и как к сыну и как государю – и к русскому человеку… Обращаюсь к вам как мать и как государыня всероссийская…

Это мой долг и как матери и как члена правящей династии. Затем последовала пауза с минуту наверное.

– Вы должны сложить с себя императорский сан, – выговорила твердо и спокойно Мария Федоровна. Мне тяжело это говорить… Видит Бог если бы я могла что-то сделать чтобы изменить случившееся…

Она не стала произносить вслух те мысли что посещали ее без малого всякий раз когда она видела старшего сына. Что предпочла бы погибнуть в тот день вместе с возлюбленным супругом – лишь бы ее старший сын и наследник престола был бы здрав и цел.

– Но как бы то ни было Ники вы стали императором не имея возможности им быть, – продолжила она. И значит – единственное то вы можете сделать ко благу России – это отречься в пользу брата. О том вас прошу как мать – и как императрица. У царствующих особ есть свои долги и обязанности – и первейшая – служение державе.

Бледное исхудалое лицо монарха вдруг озарила грустная и какая то по-особому светлая улыбка.

– Матушка, – вам не нужно было это говорить мне. Это я должно был сказать вам об этом первым. Не зря видать я родился в день Иова-многострадального… Быть по сему, – произнес после паузы Николай.

Пусть все подготовят к завтрашнему дню – я не знаю право как положено для отречения…

Бумаги, свидетели – наверное архиепископ должен присутствовать…

– Да конечно – сын мой, – произнесла Мария Федоровна и торопливо вышла. Разрыдаться она себе позволила лишь в передней, буквально упав на руки подоспевшего Павла Александровича…

* * *

Сего дня ровно в полдень в присутствии Матери вдовствующей императрицы Марии Федоровны, великих князей Павла Александровича, Владимира Александровича и высокопреосвященного Амвросия, Архиепископа Харьковского и Ахтырского, Государь Император Николай Александрович отрёкся от престола в пользу Регента Цесаревича Великого князя Георгия Александровича. Цесаревич Великий князь Георгий Александрович был провозглашен Императором Георгием Александровичем…

«Биржевыя Въдомости» 13.V.89

МАНИФЕСТ

Об отречении Государя Императора Николая Александровича от престола Российского и о сложении с себя верховной власти

Сообразуясь с советами приближенных Наших и заключениями врачебными, не в силах нести бремя государя всероссийского по недугу телесному, признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. В согласии с законом мы передаем наследие наше брату

нашему великому князю Георгию Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского. Призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновению царю и помощи ему в державном правлении и дальнейшем шествии державы по пути благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Подписал: Николай г. Харьков. 13 мая 1889 г.

* * *

МАНИФЕСТ

О восшествии Его Императорского Величества, Государя Императора Георгия Александровича на Прародительский Престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского

По сложению братом Нашим Николаем Александровичем по тяжкой болезни Его Престола Всероссийского и согласно воле его Мы, в этот печальный, но торжественный час вступления Нашего на Прародительский Престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, приемлем священный обет перед Лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспеяние, могущество и славу России благо и устроение счастья всех Наших верноподданных. Всемогущий Бог, Ему же угодно было призвать Нас к сему великому служению, да поможет Нам…

На подлинном, Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Георгий».

Начертав последние слова, Георгий Александрович Романов – уже семь часов как Царь отодвинул от себя исчирканный листок с манифестом о собственном восшествии на трон и с каким то остервенением отбросил перо. Он решил написать его сам. Не от того что не доверял придворной канцелярии и Герольдии. Просто в сочинении этого короткого документа и в шлифовке его официальных и торжественных фраз он пытался отвлечься от тяжести навалившегося на него. Да – это был очень тяжелый день. Конечно он знал – знал заранее – даже без разговора с матерью накануне, без заседания

Регентского совета месяц назад, на котором все признали то что и та было ясно – надежды нет, и согласились – больной парализованный царь страной править не может. И пришедшая из Харькова в двенадцать часов тридцать три минуты телеграмма можно сказать оставила его равнодушным. Радости не было – да и какая может быть радость? Не было и облегчения – даже того невольного с каким приговоренный, измученный ожиданием, выслушивает судью…

И слова обращения в Богу в манифесте были не только данью традиции и обычаю. Просто – ему и в самом деле не на кого больше надеяться кроме как на Всевышнего. И на себя…

* * *

Ни придворным историографам, ни иностранным ученым, ни русским мемуаристам не удалось ничего узнать о дате и обстоятельствах разговора Марии Федоровны со средним сыном, в котором она убедила его принять корону и не возражать против отречения брата. Также неясно в какой именно форме было получено согласие колебавшихся великих князей – хотя вероятно Вдовствующая Государыня сумела каким-то образом изолировать двух главных сторонников идеи продолжения регентства – в. кн. Владимира Александровича и в. кн Николая Николаевича заручившись поддержкой большинства менее значимых членов семьи. Об этом много спорят – мы же предполагаем, что Георгий Александрович был поставлен матушкой перед фактом – и эту тяжелую обязанность она взвалила на свои не по-женски крепкие плеч единолично.

Морис Палеолог. Д.Милюков. Начало великого царствования. 1934 год. Изд. во Сытина. Москва

* * *

Первым указом подписанным императором всероссийским Георгием I стал подписанный в то же день -13 мая – указ о переименовании Санкт-Петербургской академии наук в Российскую Императорскую академию наук и о назначении Великого князя Константина Константиновича её Президентом. Позже в этом будут искать символизм и скрытый смысл – но тот год вообще был урожайным на символы и знамения – хотя скорее всего люди просто видели их

там где в прежние времена не разглядели бы ничего особенного.

* * *

29 июля 1889 г. Гатчина.

…Гатчина была в свое время подарена цесаревичу Павлу Петровичу царственной матерью с одной целью: удалить его от двора, с глаз долой…

И этот подарок нелюбимому сыну как ни странно пришелся ему весьма и весьма по вкусу. И отнюдь не красотами природы влекла Павла Гатчина – здесь он устроил себе особый мирок, во всем отличный от ненавистного петербургского – мира материнских фаворитов и шепота по углам насчет судьбы отца и сомнительности происхождения.

За неимением другого дела, вся деятельность его мятущейся энергичной натуры свелась к устройству маленькой «гатчинской армии» – нескольких батальонов, отданных под его команду. И забота об их обмундировании и выучке поглотила его всецело. Мечты о порядке в государстве преобразовались в хлопоты о высоте кивера и белизне этишкета.

Не менее властно чем прусский порядок и регламент Павла Петровича влекли к себе рыцарские идеалы… И воплощением их он нашел в Ордене госпитальеров, или иоаннитов, сиречь орден Святого Иоанна Иерусалимского, чаще называемый просто Мальтийским – Гроссмейстером которого он стал.

Был и план похода в Индию, и война с Бонапартом и скоропалительный мир с ним…

Кончилось все печально – монарх умер «апоплексическим ударом…»

Потом почти восемьдесят лет Гатчина была всего лишь одной из резиденций семьи Романовых. А в 1881 на нее обратил внимание новый государь.

Резонно опасаясь новых покушений, он удалился в Гатчину, во дворец своего прадеда, спланированный как старинный замок, окруженный рвами и защищенный сторожевыми башнями.

И вот теперь его второй сын – уже третий месяц как тоже государь – решил что пока лучше ничего для загородной резиденции он не найдет. Пока что… Место обжитое привычное с детства опять же. Да и все что нужно для жизни с удобствами имеется электричество, телефон, водопровод и канализация новейшего образца, а вместо печного отопления – удобные и изящные калориферы…

А также особые каретки-подъемники, подававшие пищу из буфетных в жилые покои по электрическому звонку – быстро и прислуга не вертится на глазах.

…Император Георгий Александрович занимался обычным царским делом. А именно – изучал государственные бумаги. На данный момент это были донесения из МИД. Как сообщал посланник в Берлине граф Шувалов со ссылкой на некий источник в верхах Кайзеррайха. кронпринц Вильгельм – наследник умирающего кайзера проявляет явные признаки русофобии – одобряя идею «устранить Россию как фактор силы». Правда Бисмарку пока удается убедить его в том что это гибельный путь – не без труда.

Георгий глубоко задумался – как ни крути, а пресловутый германский вопрос имеет первостепенное значение – от мира и нормальных отношений с этой скороспелой империей весьма многое зависит в судьбах российских. Этим надо заниматься особенно внимательно. «Это враг которого придется превратить в друга – но в конце концов в этом и состоит искусство правителя».

Но это трудно будет – ох трудно!

Как вспоминал отец на похороны Александра II приехал кронпринц германский Фридрих, и военный министр Милютин, не теряя золотого времени, этим воспользовался: Утром отправился в полной форме и в ленте ордена Черного Орла к наследному принцу германскому и имел довольно длинную аудиенцию. Предметом разговора была борьба с инсургентами и смутьянами – Милютин внушал пруссаку необходимость общеевропейских мер в борьбе с разрушительными учениями анархистов и нигилистов. Ведь никакое правительство не в силах справиться у себя с подпольными злодеями, пока они

имеют безопасное убежище в Швейцарии, Париже и Лондоне, откуда исходит главное направление всех злодейских замыслов и доставляются средства. В этой борьбе заинтересованы все государства, а не одна Россия. Наследный принц соглашался во всем, кивал и обещал ходатайствовать перед отцом о соответствующих решениях.

И все. А потом отец обнаружил просматривая берлинские газеты, десятки раз повторявшиеся злорадные фразы, что русское правительство «со своими нигилистами» еще долго будет сильно думать, раньше чем «решиться на энергичную политику против Германии.»

Да – уж ничего не поделаешь. Однако же придется. Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет.

Он принялся листать бумаги за прошлые месяцы – вдруг чего-то упустил? Вот самое важное наверное. 19 мая Парламентом Великобритании принят «Билль о морской самообороне»

Дело это тянулось с начала года…

4 января 1889 года премьер – министр Солсбери принял делегацию представителей крупнейших приморских городов: Глазго, Эдинбурга, Ливерпуля и Ньюкасла. В петиции, которая была передана правительству Ее Величества, выражалось «глубокое чувство тревоги ввиду опасности, угрожающей нашей торговле и крупным торговым портам». Подписавшие петицию призывали правительство «не терять времени в деле разработки и осуществления планов, гарантирующих безопасность наших городов и способных восстановить серьезно поколебленное чувство уверенности, которое является существенной предпосылкой торговой деятельности и процветания». Встревоженные быстрым ростом флотов других держав и сознавая, что благосостояние Британии и даже само ее существование зависит от морской мощи, морские специалисты и все газеты единодушно твердили одно: «Англия поднялась благодаря своему флоту и с уничтожением его она погибнет» и что сила британского флота – в сравнении, с флотами соперников – упала ниже, чем когда-либо «со времен Нельсона». «Таймс» своей передовицей потребовала от правительства представить свои соображения «в зрелой форме и как можно скорее».

В Адмиралтействе также не теряли времени даром: военные моряки представили доклад, в котором подчеркивалась необходимость создания флота, способного вести войну против России и Франции одновременно.

Лорд Солсбери, как он сам с неудовольствием признал, оказался вынужденным заставить Великобританию принять участие в гонке с другими державами в области морских вооружений. И парламент не в пример другим случаям не мешкал.

Уже в марте 1889 года соответствующий Билль был внесен в парламент.

Этот документ был рассчитан на десять лет – предполагалось построить восемь броненосцев первого класса, два броненосца второго класса, девять бронепалубных крейсеров, три десятка крейсеров серии «Медея». Сверх того – четыре легких крейсера серии «Пандора» и еще восемнадцать торпедных канонерских лодок. Английский парламент принял этот закон, и бюджет Адмиралтейства, утвержденный незадолго до этого, увеличился еще на четверть. Рост военно-морского бюджета сопровождалось решительными заявлениями – мол Британия не потерпит покушений на свое морское владычество и должна иметь флот сильнее, чем объединенные флоты двух самых крупных после нее морских держав.

Всего заказано было кораблей на астрономическую сумму: двадцать один миллион пятьсот тысяч фунтов стерлингов – что составит примерно четверть миллиарда рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kasatkin_oleg/tron-na-krovi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить